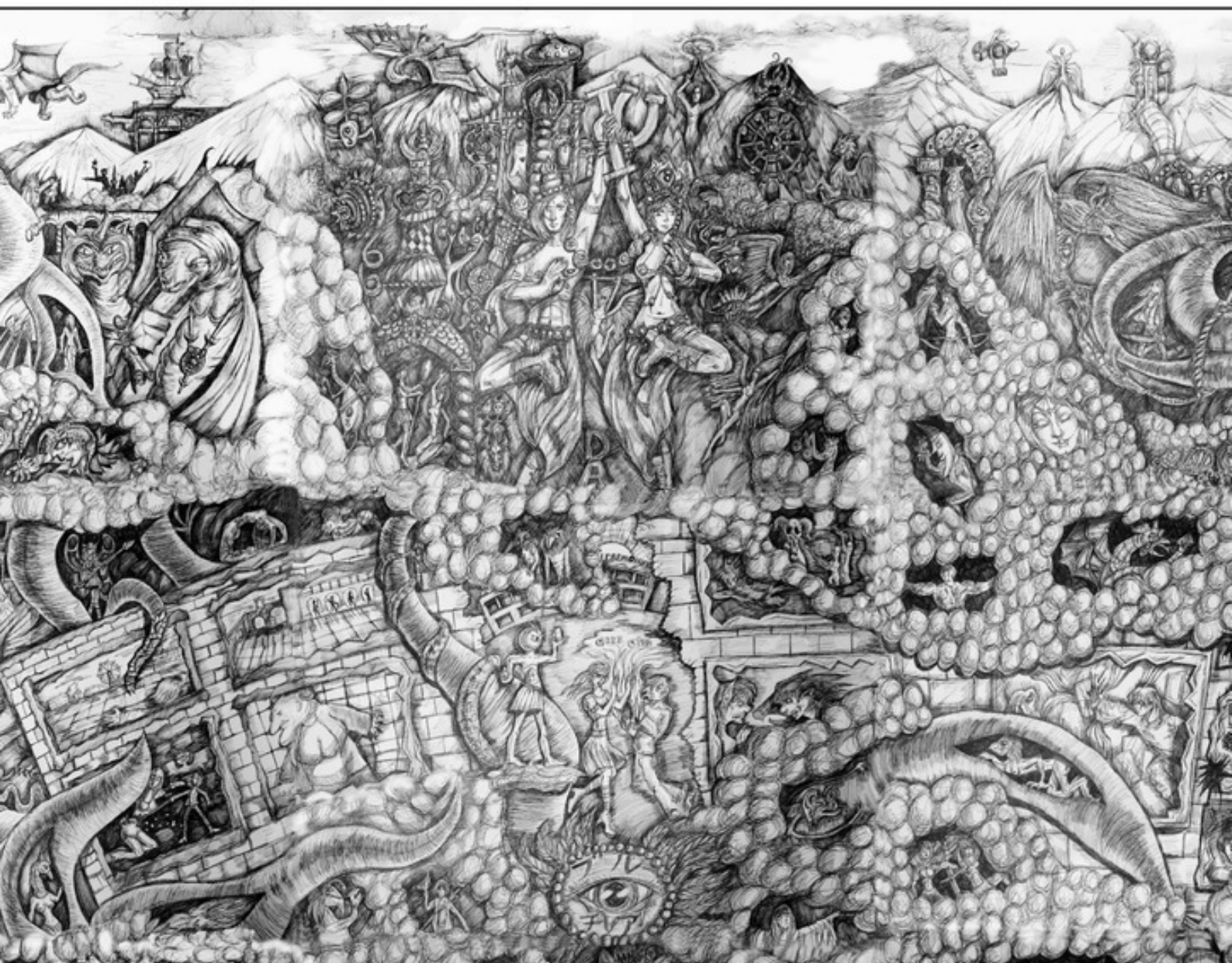

Анастасия Ясенецкая

*Дом
культуры*

Анастасия Ясенецкая

Дом культуры

«Издательские решения»

Ясенецкая А.

Дом культуры / А. Ясенецкая — «Издательские решения»,

Что можно обнаружить в заброшенном Доме культуры? Разруху, запустение — и больше ничего? Но в один прекрасный момент выход из этого дома исчезнет, а за углом будут поджидать бездушные каменные девушки, кровожадные Совоборотни и бессмертные охотники за тем, что ценнее человеческой души. И единственным способом выбраться из этого кошмара покажется смерть, только вот и после нее проблемы не решатся...

© Ясенецкая А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1-ая. Светлое будущее	6
1	7
2	10
3	15
4	18
5	23
6	26
7	29
8	31
9	34
10	37
11	40
12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дом культуры Анастасия Ясенецкая

© Анастасия Ясенецкая, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1-ая. Светлое будущее

Он ненавидел то, что делает его непохожим на остальных... Вверх, вверх, вверх, вверх... Это бьется внутри него, в высоту стремится, но не может вырваться наружу, натькается на невидимую преграду. И нет, нет выхода наружу, ни малейшей лазейки. И остается только проснуться от этого невыносимого сна в другой – чуть менее болезненный. И увидеть, как за окном с самого утра...

1

...За окном с самого утра мучительно долго собирался дождь. Над городом нависло плоское серое небо. И эта липкая вселенская серость медленно и тягуче просачивалась в комнату с улицы, заполняла собой воздух. И душила, не давая выбора. Серое, серое, немного синевы – вся комната в стальных тонах: обои, линолеум, занавески... Единственное цветное пятно – это картина, висевшая над Яниной кроватью. Сергей Юдин, сидя на смятой простыне в сиреневую полоску, уже целый час внимательно смотрел на холст.

Этот живописный шедевр подарила Яне ее подруга Катя, работавшая в галерее современного искусства. Картина была более чем современна, и, честно говоря, никогда Сергею не нравилась. Правда, скорее из-за того, что презентовала ее именно Катя. Довольно сомнительная, с точки зрения Сергея, художественная ценность картины была вовсе не причем. Называлось полотно «Эдип разгадывает загадку сфинкса». Трактовка классического сюжета была, мягко говоря, своеобразной. Сфинкс представлял собой гипсовую скульптуру, находящуюся в весьма плачевном состоянии. Одна лапа до середины была обломана, обнажая арматуру; по всему гипсовому телу виднелись выбоины, трещины и потеки, голова и плечи загажены птицами. Пьедестал, с облупившейся краской и торчащими кирпичами, был покрыт желтыми пятнами от мочи и исписан нецензурщиной. На латунной табличке под скульптурой значилось «AD». Поодаль расположилось еще несколько статуй вполне в духе соцреализма. Мясистые совковые мадонны, грудастые и широкобедрые, держали упитанных младенцев на пухлых руках. Мужественные пограничники едва сдерживали рвущихся с поводков собак. Спортсмены поигрывали неестественно рельефной мускулатурой. Пионеры с абсолютно одинаковыми лицами поидиотски улыбались, радуясь счастливому детству. Вожди, похожие на всех советских лидеров одновременно, указывали куда-то в светлое будущее. А царила над всем этим гипсовым великолепием конечно же, классика жанра – девушка с веслом, богиня с пустыми белыми глазами и ничего не выражающей улыбкой... Само действие разворачивалось в заброшенном парке, заросшем и неухоженном. Стояла ночь, но на черном небе вместо луны и звезд были только пересекающиеся разноцветные линии. Из-за деревьев выглядывал угол мрачноватого здания, похожего на типичный советский дом культуры. Над сфинксом висела часть какого-то лозунга: «Слава». Остальные буквы горкой валялись на земле. Из верхушки ее этаким фаллическим символом торчал восклицательный знак. Над буквенной кучкой, задумчиво теребя рукой подбородок, сидел Эдип – невысокий рыжий мужчина в круглых очках. В руках у него была пробирка, в которую из дыры между глаз скульптуры стекала тонкой струйкой голубая светящаяся жидкость. Загадка сфинкса, заключалась, видимо, в груди упавших с лозунга букв. И теперь Сергей внимательно изучал это полотно, словно оно могло подсказать ответ на загадку, которая мучила его самого...

...Яна, жена Сергея, бесследно исчезла почти две недели назад. Просто не пришла домой после работы – и все тут. Такого раньше не случалось никогда. Задержки на полночи бывали. У журналистов – ненормированный рабочий день, и Сергей с этим давно смирился. Но домой она возвращалась всегда – пусть очень поздно, порой под утро, но возвращалась. Но в тот раз Яна не пришла ночевать. Телефон ее был отключен. На это могла быть всего одна причина, верить в которую совсем не хотелось.

После бессонной ночи, едва дождавшись семи утра, Сергей раздавил в себе остатки гордости и позвонил Кате. Но туда, скорее всего, Яна и не навещалась – трубку никто не брал. Не пришла она и на следующий день – ни к Катке, ни домой, ни на работу. И вообще нигде не объявилась. Катя тоже куда-то пропала, но, при других обстоятельствах это Сергея скорее обрадовало бы. А сейчас оттого, что девчонки исчезли вдвоем, было еще муторней на душе. Поиски результата не дали – Яна словно растворилась в воздухе, не оставив после себя ни

малейшего следа. Хотя, нет, Сергей нашел ее записную книжку, но ни по одному телефону узнать ничего не удалось. Последним человеком, видевшим Яну, был охранник на телекомпании, но и тот ничего ценного не сообщил – только то, что в день пропажи Яна убежала очень рано, и часа на работе не провела.

Сергей, как ни странно, был практически спокоен. Он, почему-то, был уверен, что с Яной не случилось ничего плохого. В *ее понимании* плохого. То есть, она жива, только где-то в другом месте... И Катя... Может быть... Только не это... Ведь Катька могла переехать, сменить номер, не подходить к телефону, наконец... Да, жутко эгоистично, но *оправданно*... Сергей не хотел об этом думать, но уже несколько дней не мог думать ни о чем другом...

...Яна всю ночь просидела в Интернете. Так же, как и много ночей до этого. Сергей, натянув одеяло на голову, делал вид, что спит. Он сжимал в руках металлический брелок в виде какого-то дурацкого петушка, сильно, почти до крови – боль, хоть немного, но отвлекала. Мелкая дрожь била Сергея, несмотря на то, что в комнате было жарко. Его сердце тоскливо сжималось, когда он слышал, как янкины пальчики торопливо и осторожно стучат по клавишам. «Лучше бы она любовника завела, – думал Сергей. – Так бы хоть понятно было все. А тут... И придаться не к чему...» Ему хотелось встать, тихонько подойти к жене и заглянуть ей через плечо. По каким дебрям она бродит? Сергей примирился бы хоть с фотографиями накачанных голых мужиков, хоть с сайтом каких-нибудь исламских террористов. Но только не с тем, что увидел недавно. В первый раз Сергею это показалось даже забавным. Но когда он понял, насколько у Янки все далеко зашло... Можно было бы всю эту ерунду сплести на какие-нибудь, скажем, поиски себя. Можно было. Но не получалось.

В голове по кругу, таким спятившим хороводом, носились три мысли. Сергей настолько к ним привык, что представлял каждую таким злобным уродцем. Первым, мерзко похрюкивая, вылезало толстое свинообразное существо, вопрошающее: «Почему все так фигово получается всегда?». За боровом, крепко держась крючковатым клювом за его тоненький хвостик, плелась облезлая синюшная курица на кривеньких ножках. В ее мутно-желтых глазах застыл немой вопрос: «Что со мной не так? Чем я хуже других?». За курицей, шелестя, ползла устрашающего вида рептилия. В ее шипении явственно слышалось: «Всссссе ссссвопоччи! Удушить!». Под назойливый аккомпанемент этого хоровода Сергей любил лежать и страдать, когда выдавалась свободная минутка. Сложившуюся непростую ситуацию он мысленно обсуждал с дотошностью гурмана. «Но я же в этом не виноват! – думал обычно Сергей. – Просто таким родился! Почему из-за такой мелочи так много проблем, вся жизнь какая-то ерундовая? Подстроилась к ней, блин...».

Вот и сейчас Сергей лежал, глядя в темноту, как в те ночи, когда Яна задерживалась и приходила домой под утро. «Сейчас она здесь, а в то же время и нет. Кому она там пишет?» – Сергею захотелось вдруг от души вмазать себе по лбу, и колотить, пока полностью не пропадет чувствительность. Будто там, между глаз, таился источник его бед... Он ненавидел то, что делает его не похожим на остальных. И ненависть эта жгла его изнутри, находя выход лишь в жестоких угловатых картинках, которые Сергей, художник-иллюстратор, рисовал на заказ. «То, что раньше железо жестоко отняло, Возвращает простой карандаш. Одевает в металл, чтоб прочнее стояло, И себя, и ближайший пейзаж» – это какая-то девочка написала, увидев его работы в Интернете. Интересно, догадывается ли она о его реальных проблемах? О том, что прячется за набросками механизмов? За мощными нагромождениями железяк? «Вот бы хорошо было, если бы все люди были... ну, с одинаковыми возможностями, что ли», – подумал Сергей.

И тут он понял, что уже давно не слышит стука клавиш. За окном занимался мутный желтоватый рассвет. Сергей одним резким движением поднялся, скидывая с себя одеяло. На миг он ощутил резь в глазах, и по щеке скатилась крупная слеза, повисла на подбородке,

а потом упала на пол. Сергей вздрогнул. Звук от капли был такой, будто спальня вдруг стала пустой и огромной.

Сергей вытер щеку рукавом, встал с кровати и пошел в соседнюю комнату. Яна, положив голову на руки, спала у включенного компьютера. Ее дыхание слегка шевелило пепел от сгоревшей ароматической палочки. Сергей с замиранием сердца посмотрел на монитор. И вздохнул с облегчением. «Эти развалины, совсем недалеко от города, скрывают именно переход в параллельное пространство», – вот что прочитал он на экране компьютера. И какие-то расплывчатые фотографии. Египетские фрески, полуразвалившийся дом, а еще – какой-то уж слишком грустный и задумчивый космонавт в шлеме с надписью «СССР». Сергей, слегка помедлив, развернул окошко чата. Увидел он там вот что:

«ЯЮ:

Ну Маааакс, почему ты нам карту присылать не хочешь?

Граф Белое Крыло:

Рано еще. Потерпите, дурахи.

ЯЮ:

Бебебе:—Р Дурак ты, Кравцов. Ну ты же знаешь, что мне интересно. Кончай издеваться.

Граф Белое Крыло:

Я не издеваюсь. Я просто ответственный.»

Сергей свернул окошко и принялся изучать сайт. Его автор – Граф Белое Крыло (в миру – некто Максим Кравцов) – оказался тем еще психом. Он на полном серьезе доказывал, что нашел выход в иное измерение – буквально в пригороде. В это самое измерение, по словам сумасшедшего Графа, и летали советские космонавты. А то, что попадало в газеты и не телевидение – сплошная фикция. Даже полет Юрия Гагарина. И портал, через который можно было попасть в параллельный мир, находился якобы в нескольких километрах от окраины города. Сергей усмехнулся – бред Кравцова его повеселил. Он уже собрался уходить, как вдруг увидел нечто, что его насторожило. Сергей мотнул головой и пригляделся. Так и есть – на сайте новоявленного охотника за секретными материалами, среди фотографий всяких развалин, имелось некачественное фото той самой картины, что висела над яниной кроватью. Черт бы побрал эту Катерину!

...А автор полотна вроде как этот параллельный мир и изобразил...

...Сергей отвел взгляд от шедевра сюрреализма. На тумбочке у постели лежала янкина записная книжка. Сергей взял ее и машинально перелистал страницы. Тут он заметил, что за краешек кожаной обложки заткнут какой-то сложенный вдвое листик, на который раньше он не обратил внимания. Сергей развернул его и прочел надпись, сделанную неровным корявым почерком: «Яна! Не всякую дверь стоит открывать. К открытой двери не поворачивайся спиной! Никогда не заходи за угол! Избегай дверей, на которых буквы стоят перед цифрами! Не подбирай красные стеклянные бусинки! Синие тоже лучше не трогай! Воду пей только свою! И лучше всего, вообще туда не ходи! Хорошенько подумай. Если, не дай бог, решишься, лучше сперва заходи ко мне. Баревский. PS. Не верь молодому, он врет». На обратной стороне Сергей обнаружил адрес и номер телефона, принадлежащие, очевидно, тому самому Баревскому. Фамилию эту Сергей где-то слышал, но где – вспомнить не мог. Он набрал номер, и почему-то совсем не удивился, когда услышал: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Оставалось одно – самому отправиться по написанному на клочке бумаги адресу. Болезненно—серое небо, наконец-то прорвало, словно фурункулу, и дождь шел уже всюю...

2

...Насквозь промокший Сергей звонил минуты две, прежде чем дверь открыли. На пороге стояла высокая и чересчур худая, даже, пожалуй, костлявая, женщина лет 45-ти. У нее были длинные черные волосы, заостренные грубоватые черты лица, бледная кожа и темные круги под глазами. Очевидно, незнакомка предпочитала вести не слишком здоровый образ жизни. Как подтверждение этому, в тонких длинных пальцах дама держала дымящуюся сигарету. Ногти на ее руках были черными, на одном из них красовалась нарисованная белая змейка, а палец украшало массивное металлическое кольцо-черепушка. При виде богемной дамы у Сергея снова кольнуло в сердце. Эх, Янка, Янка...

– Ну? – поинтересовалась женщина одним кивком головы и покосилась на лужу, накапавшую с сергеевой одежды.

– Мне бы господина Баревского... – Сергей поежился.

– Андрея? – голос женщины оказался низким и хриплым. – Его нет.

– А где он?

– Исчез. Пропал. В светлом будущем, – с сигареты, которую держала женщина, прямо на пол упала колбаска пепла и расплылась в луже противной черной кляксой.

– В смысле пропал? В каком еще будущем?

– В светлом. А пропал – значит пропал. Растворился, – и дама выпустила струю дыма прямо Сергею в лицо.

– Вот это да..., – Сергей поморщился и шмыгнул носом, едва удерживаясь от чиха, – Моя жена... Она вот... тоже... делась куда-то...

– Пропала? А причем тут Андрей?

– Вот, – Сергей протянул даме смятый клочок бумаги, который всю дорогу сжимал в кулаке. Женщина взглянула на записку, сощурилась, и снова, одним кивком, пригласила Сергея войти. В прихожей он сразу же обратил внимание на висевшую на стене картину. На ней была изображена статуя вождя пролетариата, схватившего за горло бомжеватого вида паренька. Тот, видимо, собирался распить алкоголь у подножия памятника. Из глаз Ленина исходили белые лучи, сверлившие пьянчужке голову. Дружки несчастного с перекошенными лицами разбежались в разные стороны, побросав разложенные на газетке закуски и бутылки. Антуражем служил уже знакомый Сергею по подаренной Яне картине заброшенный парк культуры. Только небо, на сей раз, было обычным – с полной луной и звездами. На луне были нарисованы перечеркнутые крест-накрест буквы «UI».

– Это Андрея работа, – словно угадав мысли Сергея, ответила женщина. – Он художник.

– У Янки, ну, жены моей, тоже его картина есть. Сфинкс какой-то.

– Ага, Эдип и Сфинкс. Это его первая, после того, как он в светлом будущем побывал. Кстати, я Ирма. Жена Андрея.

– Жена? – с облегчением выдохнул Сергей. – Да, а меня Сергей зовут. Сергей Юдин. А что за светлое будущее?

– Вы не знаете? Жена вас не просветила? – Ирма удивленно приподняла тонкие брови. – Ладно, проходите.

Сергей отодвинул бамбуковые шторы и зашел в комнату. Там царил невообразимый бардак – куча абсолютно бесполезных вещей, но ни от одной избавиться нельзя, и тотчас же ее нахождению в данном интерьере придумывается некое мистическое оправдание. На стенах висели картины Баревского, какие-то пестрые восточные коврики, яркие буддийские мандалы, иконы, изображения даосских святых, советские плакаты, план московского метро и много чего еще. С давно не чищенного и порядком засиженного мухами плафона свисала елочная гирлянда десятой свежести, связка монет с дырочками и колокольчики. На столе громозди-

лись медные лампы, курильницы, многорукие фигурки индийских богов, груды книг и журналов. Несколько нарушали гармонию пустые бутылки из-под спиртного, валявшиеся по всей комнате, а также разнообразные предметы – от консервных банок до антикварных тарелочек – наполненные окурками и всяким мусором. Больше всего Сергею понравилась композиция на тумбочке – Будда в позе лотоса, портрет Сталина в рамке, а надо всем этим – изящное деревянное распятие.

Сергею сразу же представилась такая картина: стройные ряды первомайской демонстрации, а над ними покачиваются алые лозунги: «Не прелюбодействовать, не прелюбодействовать и еще раз не прелюбодействовать», «У-вэй – в жизнь», «А ты что сделал для достижения просветления?», «Спасибо апостолу Павлу за наше счастливое прошлое». Вместе с классическими трудящимися в одном ряду вышагивали шаолиньские монахи, весело посверкивая лысыми головами, и патлатые длинноликие миссионеры в потрепанных хитонах и пыльных сандалиях. И коммунисты, и буддисты, и христиане – все были на одно лицо. Юдин едва заметно улыбнулся.

– Занятно, да? – Ирма снова будто ответила на мысленный вопрос Сергея, отчего ему стало несколько не по себе. – Но, с другой стороны, посудите сами – они все существовали, и Будда, и Христос, и Сталин. Хотя, Андрей хотел сперва вместо Сталина Брежнева поставить, но я отговорила – как-то он мерзко смотрелся. (Сергей тотчас же представил себе Будду, сидящего в позе медитации. У Будды были кустистые брови, и россыпь орденов на груди. В воздухе реял лозунг: «За общество просветленного социализма!»).

– У Андрея вообще куча вещей совковых имелась, и все в прекрасном состоянии – будто вчера сделаны, – продолжала тем временем Ирма, – И где он их только брал, не знаю...

– Может, в светлом будущем? – криво усмехнулся Сергей.

– Ах да, – Ирма устало опустилась на диван. Халат, в который она была одета, слегка сполз с плеча, открывая черный бюстгальтер, кружевной заплаткой лежавший на почти совсем плоской груди и выполнявший скорее декоративную функцию. – Светлое будущее. Это место такое, за городом, километрах в ста. Можно сказать, культовое.

– Культовое?

– Ну да, в определенных кругах. Вискарика?

Сергей кивнул. Ирма пошарила под диваном и достала оттуда початую бутылку с иероглифами на этикетке. Виски она разлила в посуду, находящуюся под рукой – Сергею в бокал для мартини, а себе – в треснувшую керамическую кружку. На посудине этой был изображен повесившийся Санта-Клаус со свисающим на плечо синим языком. Другую сторону кружки украшала оптимистичная надпись: «Нового Года не будет».

– За знакомство, – Ирма подняла «бокал» и сделала довольно внушительный глоток. Сергей последовал ее примеру. – Так вот, не знаю, известно ли вам, что в конце 60-ых, когда наш Мухосранск был вонючим поселком совсем не городского типа, в районе была развернута ударная комсомольская стройка. У Советской власти имелись в то время свои любимые фишки – там, реки вспять повернуть или понастроить в тайге городов. Их называли города Социализма. Правда, очень скоро они оказывались полностью заброшенными. Строили города-то эти от балды, абы где и абы как. Для галочки. И народ не хотел там жить. Смешно, да? Их до сих пор находят. Прикинь, посреди глухой тайги – абсолютно пустой город. Башню сносит реально. Такие вот города-призраки.

– Призрак коммунизма бродит по России, – задумчиво произнес Сергей.

– Типа того.

– Так вы говорите, и рядом с нами такой призрак имеется?

– Да. Его, говорят, из-за радиации покинули, где-то в году 69-ом. Вроде бы, здесь была какая-то засекреченная лаборатория, или военный завод, неизвестно. И что-то у них там

рвануло, жителей под шумок эвакуировали. Собственно, благодаря этим переселенцам наша деревня городом и стала.

– Что-то я не слышал про такое...

– Скажут тебе, конечно! – Ирма фыркнула и картинно закинула ногу на ногу, демонстрируя костлявые лодыжки.

– Сто километров от нас, говоришь? А как же радиация?

– Вот уж чего не знаю. Может, и не было никакой радиации, так, предлог. Но что-то там мутили, однозначно. Наш же город за эти годы разросся. И Светлое Будущее скоро будет уже почти на окраине. Правда, там от города практически ничего не осталось. Сохранился парк, так сказать культуры имени отдыха, а в центре – Дом той же самой культуры, имени хрен знает кого. Андрей туда на натуру ездил. Вдохновлялся. Там и пропал.

– Давно?

– Да уж месяца полтора, – Ирма залпом осушила кружку. – Бес-след-но.

– Искали хоть?

– Ясен перец! С ног сбились прямо! – ирмин голос был пропитан сарказмом. Сергей подумал, что исчезновение мужа ее не слишком опечалило. – В ментовке заявление приняли со скрипом. Мол, задрали вы уже со своими алкашами. Я и сама искать пыталась. Но, как видишь... Словно испарился он, Андрей-то...

– Как и Яна...

– А, кстати, я, кажется, знаю вашу жену. Такая невысокая, темные короткие волосы...

– Да, да! А откуда? – Сергей снова погрузился.

– Да бывала она здесь пару раз – после того, как Катерина ей картину со сфинксом презентовала.

– Катя тоже пропала...

– Да? – Ирма скривила тонкие губы в плотоядной улыбке. – Ну и славно. Никогда я эту Катю не любила. Дура какая-то долбанутая. На всю голову. Я сошла с ума, я сошла с ума, – фальшиво пропела Ирма и басовито расхохоталась. Сергею показалось, что жена художника словно почувствовала его скрытое желание услышать что-то плохое о Катерине. – А Яна твоя к мужу моему приезжала. По работе, не переживай. Она с Андреем все про Светлое Будущее разговаривала, спрашивала, что да как. Он ей документы какие-то показывал.

– Может, Янка тоже поперлась в это будущее долбанное? Она журналистка, заинтересовалась поди...

– Не исключено, – слегка захмелевшая Ирма принялась внимательно изучать свою кружку. – Хотя, Андрей ей этого не советовал... Мда...

– А документы остались? Ну, которые они с Андреем рассматривали?

– Нет, девались куда-то, – Ирма покачала головой. – Разве что эскизы есть, которые Андрей там делал.

– Можно посмотреть?

– Сейчас, – Ирма встала и, едва заметно покачиваясь, ушла. Сергей посмотрел на бронзовую статуэтку, стоявшую на столе. Вроде бы, какая-то индийская богиня. На лоб, ладони и ступни фигурки были прилеплены шарики жвачки. Сергей из любопытства ковырнул окаменевший комочек на ноге индийской женщины. Под ним, прямо на пятке, обнаружился глаз. А под статуэткой Юдин нашел небольшую брошюрку. Выглядела она довольно старой и потрепанной. На обложке значилось: «Основные понятия ИД-гомогенизации». Под этой надписью был рисунок – два ограненных алмаза, соединенных основаниями, и колокол. На камнях красовались синие буквы DA, а на колоколе – красные буквы UI. Поверх рисунка стояла синюшная прямоугольная печать: «Изъять как идеологически вредное». Сергей открыл книгу на первой попавшейся странице и начал читать: «Понятие ИД ошибочно принято ассоциировать со словом „индивидуальность“, либо с аббревиатурой ID – идентификационный номер. Но в дей-

ствительности, этот термин не связан ни с тем, ни с другим. Также он не имеет ничего общего с классической психологией людей, где под словом Ид понимается „бессознательное, темное начало“. Термин ИД восходит к 17 веку, его авторство приписывается Таре-Эссе Золотой Игле. В своем экстатическом видении, в числе прочего, она узрела момент возникновения сухого из Синей слезы. Тара-Эсса описала это как вибрацию двух звуков, слившихся в один. Звук она передала так: Эуиадтэа. Скорее всего, речь шла об UI и DA. Со временем, это труднопроизносимое слово трансформировалось в более простое „идэ“, а затем – в ИД...»

Дочитать до конца Юдину не удалось – вернулась Ирма с объемной папкой в руках. Вместе с Сергеем они начали разглядывать эскизы, раскладывая их на полу. Пейзажи светлого будущего перемежались изображениями Ирмы и других женщин разной степени обнаженности, какими-то натюрмортами, набросками интерьеров. Один из листов почему-то вызвал у Сергея секундный приступ какого-то безотчетного, почти животного, страха. На эскизе жирными, размашистыми штрихами была набросана комната без окон, вся целиком отделанная кафелем, словно в больнице. Никакой мебели или каких-либо других предметов там не наблюдалось, за исключением двух больших гипсовых шаров, вроде тех, что венчают столбы ограды в каком-нибудь советском парке.

– Это тоже оттуда? – Сергей словно со стороны услышал свой дрожащий голос.

– Нет. Андрей внутрь не заходил.

– Внутрь чего?

– Ну, этого дома культуры, что в парке. Говорил, что лучше туда не соваться.

– Блин, записка! Там же написано, что какую-то дверь не надо открывать!

– Так ты думаешь, – Ирма уже давно незаметно перешла на «ты». – А вдруг они как-то сумели войти? Твоя Яна и мой Андрей? И оба там пропали, в этом самом будущем проклятом?

– Бред какой-то... – нахмурился Сергей. – Хотя... постой-ка... Янка в последнее время все на сайте каком-то висела. И, кажется, там было про заброшенные дома что-то... Да, заброшенные дома в окрестностях города, а в них – переход в другое измерение. Я тогда еще посмеялся – чего только люди не придумают...

– Белое Крыло? – Ирма резко села, опрокинув кружку.

– В смысле? – Сергей покосился на бурое пятно коньяка, расплывающееся на светлой обшивке дивана. Алкоголь растекся в виде длинной тонкой фиговины с двумя маленькими кривыми кружочками по бокам. Юдин стиснул зубы. Конечно, Ирма не специально, но...

– Автор сайта – Граф Белое Крыло?

– Ну да, а что? – Сергей отвел взгляд от наводящего на неприятные мысли пятна.

– Мне Андрей показывал этот сайт. Говорил, что это – вранье, и что автор все факты извратил. Что на самом деле там все не так, ну, в Светлом Будущем...

– А как же параллельные миры?

– Да нет там ни хрена! Парк и здание полуразвалившееся, в котором вход заколочен!

– Там опасно?

– Опасно? – Ирма скривилась, словно от боли, и плотно прижалась спиной к дивану. – Да, там может быть опасно. Но только ничего мистического в этом нет – в парке пьяные художники тусуются постоянно. А это народ непредсказуемый. Свинячат, опять же, ужасно...

– Да уж, пикник на обочине...

– Не то слово... Сталкеры хреновы.

– А вдруг там уже пропал кто-то?

– Может, и пропал. С этой публикой фиг что поймешь – то ли в творческом запое, то ли в параллельных мирах...

– Ты дорогу туда знаешь? – после недолгого молчания хмуро спросил Сергей, глядя в окно. Дождь кончился. Серое плоское небо расслоилось на множество облачных ярусов. Появилась перспектива. Пространство словно говорило: там есть что-то еще. Там, дальше...

Ирма на вопрос Сергея едва заметно кивнула, плотно сжав губы. Она явно думала о чем-то другом.

– Машина есть? – Ирма опять кивнула.

– Отвезешь меня туда?

3

...Асфальтовая дорога кончилась минут десять назад, и теперь внедорожник, за рулем которого сидела Ирма, катил по грунтовке. Вокруг черной стеной поднимался лес. Больше часа прошло с того момента, как Сергей и Ирма выехали из города. Юдину было не по себе. Мало того, что на шоссе было на удивление пусто, так еще его спутница за все время пути ни разу не взглянула на него.

– Здесь напрямик не проедешь, – говорила Ирма, не отрывая взгляда от дороги и вцепившись тонкими пальцами в руль. – Так что, колесить еще долго будем.

– Слышь, а откуда тачка такая навороченная? – спросил Сергей, напряженно всматриваясь в чащу, будто надеясь увидеть где-то между деревьев пропавшую Яну.

– У Андрея деньги были. Правда, откуда – не знаю. Он говорил, что картины какая-то галерея за рубежом купила, но что-то я не верю. Он вообще обеспеченным стал, после того, как он... то есть мы... ну, короче, с наркоты слезли. Это в начале восьмидесятых было. Нас тогда сразу в покое оставили, хотя мы считались... ну этими... чуждыми элементами. Я все думаю – может, Андрей стукачом заделался? Вот ему и спустили его творчество... глубоко антисоветское, – Ирма мотнула головой, и ее длинные черные волосы накрыли ладонь Сергея, лежащую на спинке кресла.

– А сейчас не употребляете? – Юдин отдернул руку.

– Ни-ни. Только бухаем. За жену переживаешь? Не, у них какие-то другие дела были – чисто творческие, – Ирма усмехнулась.

– Ну-ну..., – задумчиво произнес Сергей. Слова Ирмы пролетели мимо ушей. Он продолжал оглядываться по сторонам, но вокруг по-прежнему был только лес. Уже начинало смеркаться.

– Почти приехали. Смотри внимательно и не удивляйся!

Несмотря на ирмино предупреждение, Сергей не сдержался и негромко выругался. Машину сильно тряхнуло, и она выехала на разбитую дорогу, покрытую раскрошенными бетонными плитами. Метров через сто дорога расширялась и превращалась в некое подобие квадратной площади, со всех сторон окруженной деревьями. По ее периметру стояли остовы допотопных деревянных скамеек и проржавевшие фонарные столбы. А в дальней стороне площади виднелось длинное четырехэтажное серое здание. На двух верхних ярусах находилась крытая остекленная галерея, абсолютно пустая внутри. Она выступала вперед, опираясь на массивные столбы, облицованные местами отвалившейся плиткой. Между двумя центральными столбами маячил вход, крест-накрест забитый полусгнившими досками. Над галереей виднелась надпись «Дом Культуры им. ...». Окончание давно обвалилось, и, видимо, его остатки торчали из кучи мусора, сваленной недалеко от входа в ДК. На здании имелась еще одна надпись – она находилась на козырьке, слегка выдающимся над входом. Кое-какие буквы этой надписи тоже были утрачены, и теперь она гласила: «То к ид рогой к мун ма, мы р дем к ветл у бу ущ у!» Очевидно, когда-то это значило: «Только идя дорогой коммунизма, мы придем к светлому будущему!» Неизвестно, насколько коммунистической была проселочная дорога, но в свое Светлое Будущее Сергей и Ирма уже добрались.

– Впечатляет? – в первый раз за время дороги Ирма обернулась к своему попутчику.

– Не то слово..., – покачал головой Сергей. – Здесь фильмы ужасов снимать можно.

– И без кино тут... ужасно, – Ирма привстала. – Там за ДК еще парк есть, где Андрей скульптуры свои рисовал. Пойдем? – и Ирма выпрыгнула из машины. Сергей последовал за ней. Вдвоем они не спеша пошли через площадь. Уже почти совсем стемнело, и на лиловом небе зажглись первые звезды.

– Который час? – спросила Ирма.

– Без одной одиннадцать.

– Фокус-покус! – Ирма, щелкнув пальцами, взмахнула рукой. И в тот же миг некоторые из уцелевших фонарей зажглись с негромким назойливым жужжанием.

– Ни фига себе! А откуда здесь электричество?

– Хрен знает. Там, в парке, оно тоже есть кое-где. Туда пойдем?

– Нет, – Сергей замедлил шаг. – Меня больше этот Дом культуры интересует.

– Все равно мы туда не попадем – дверь-то забита, – Ирма махнула рукой.

– Посмотрим, – Сергей, ускорив шаг, вошел в тень выступающей галереи и вплотную приблизился к двери. Он схватился за одну из досок и резко дернул. Однако, хотя доска выглядела насквозь прогнившей и держалась на паре ржавых гвоздей, она даже не сдвинулась с места. Сергей попробовал еще раз, упершись ногой в стену, – результата не было.

– Эй, Ирма! – он оглянулся. – Иди помоги!

Ирма не отреагировала. Она стояла в свете одного из фонарей и курила. Жена художника Баревского была одета в черные кожаные штаны и в черную же рокерскую косуху. Может, поэтому, издалека ее и без того тощая фигура казалась почти провололочной.

– Ирма! – Сергей позвал снова. – Хорош курить, давай дверь откроем!

– Да ну тебя! – Ирма нервно стряхнула пепел. – Уже пытались. Я была здесь с другом, вскоре после того, как Андрей пропал. Так мы к машине эти чертовы доски привязывали, пытались дверь открыть. Хрен там был! Словно забетонировано там, блин!

– А другого входа нет?

– Нет, – Ирма покачала головой. – Что и странно. Должен быть запасной, там, пожарный выход. Ни фига! Мы все здание несколько раз по периметру обошли, все обшарили, каждый сантиметр. Но там не то что дверей, даже окон нет!

– Как, совсем?

– Ага. Ни окон, ни дверей, полна горница... ну да...

– Я все-таки сам посмотрю.

– Валяй, – Ирма затушила ногой окурок и закурила вторую сигарету.

– Не много ли куришь?

– Вали, вали, – Ирма криво усмехнулась и принялась пускать дым колечками.

Сергей же пошел искать вход. Но вскоре он убедился, что, похоже, Ирма оказалась права. Стена, вдоль которой он шел, была абсолютно глухой. Сергей медленно брел, ведя рукой по шершавой бетонной поверхности, и думал о том, каким же образом функционировал в советские времена этот странный дом культуры. Но вдруг неожиданно раздался толчок, и Сергей еле удержался на ногах. На миг ему показалось, что по стене, за которую он держался, прошла волна, а потом все стихло. Сергей огляделся по сторонам. И тут он увидел на фасаде, позади себя, какое-то белое пятно. Сергей мог поклясться, что несколько секунд назад, когда он проходил там, никакого пятна не было. Он вернулся, и снова не сдержал крепкого слова – белое пятно оказалось дверью.

На секунду Сергей вспомнил записку Баревского о том, что не всякую дверь стоит открывать. Но потом махнул рукой и решительно надавил на блестящую металлическую ручку, не особо надеясь, что дверь поддастся. Однако она приоткрылась, и Сергей едва не упал внутрь. Он поднял глаза и увидел уходящий вдаль коридор, освещенный двумя рядами люминесцентных ламп. В тишине раздавалось их тихое нестройное пение. В стенах с обеих сторон были абсолютно одинаковые двери с какими-то мелкими табличками. В конце коридор раздваивался, в торце его тоже была дверь. И стены, и пол, и даже кое-где потолок, покрывала белая, местами выщербленная и потрескавшаяся кафельная плитка. Сергей осторожно прикрыл за собой дверь, через которую зашел. Замок негромко щелкнул. Сергей снова надавил на ручку, распахнул дверь, и выглянул наружу. На улице ничего не изменилось. Сергей хмыкнул, пожал плечами и, оставив дверь открытой, снова вошел в здание. Тут он заметил, что над

входом, на кафельной стене, красной масляной краской через трафарет было наляпано: «ЛЪО Я ДО ОМИЗ ПИ СОМ ДЕМ!!!!» Под этой бессмыслицей был изображен значок – человек, выбегавший в дверь. Очевидно, это обозначало выход.

Сергей неуверенно двинулся вперед. Под его ногами хрустели осколки кафеля, обвалившегося с потолка. Где-то раздавался гулкий звук падающих капель. И звук этот усиливал пронизывающее все вокруг ощущение невероятной *пустоты*...

Сергей дошел до конца коридора, и осмотрелся. Коридоры, уходящие вправо и влево, были абсолютно такие же, как и тот, по которому он только что прошел, и тоже раздваивались в конце. Сергей отошел чуть назад и дернул на себя первую попавшуюся дверь, на которой висела табличка «КО 12». Дверь открылась, и Сергей увидел ванную комнату. Кафельем, в отличие от коридора, здесь и не пахло, все было серым, бетонным. Проржавевшая чугунная ванна, стоявшая в углу, была наполовину заполнена грязной водой, в которой плавал всякий мусор. Ни душа, ни кранов не было – на их месте из стены торчали огрызки труб. Из одной из них в ванну капала ржавая вода. Эхо от нее перекликалось с приглушенной капелью в коридоре. Сергею показалось, что было в этом даже что-то медитативное. Правда, вероятность достижения просветления рядом с находившимся тут же раздолбанным унитазом представлялась небольшой. Сергей с опаской взглянул на сливной бачок, который свисал на выгнувшихся дугой под его тяжестью трубах. Маленькое сырое помещение освещала тусклым неровным светом лампочка, висевшая на потолке на двух замотанных изолентой проводах. В заплесневелом углу, у ванной, слегка поблескивая, лежала красная стеклянная бусинка.

– Круто..., – пробормотал Сергей, подобрав бусинку и посмотрев сквозь нее на свет. – Все, можно сказать, удобства. Ладно, надо Ирму позвать, что ли...

Он вышел из ванной и повернулся к выходу. Однако, белой двери, равно как белибердятины над ней, не было. На их месте появилась коридорная развилка. Сергей в недоумении оглянулся. С другой стороны картина была аналогичной. Он мог поклясться, что шел прямо, никуда не сворачивая, но на всякий случай добежал до того места, где был выход, и огляделся. Там появилось два коридора. И каждый из них заканчивался развилкой. Сергей бросился к другому концу – и там все было так же.

– Ирма! – позвал Сергей. Эхо промолчало, хотя звук капающей воды оно повторяло исправно. – Ирма! Яна! Баревский! Кто-нибудь!

Ответом был только звук падающих капель...

4

... – Здесь какая-то система должна быть, по-любому! – Макс резко встал из-за парты и прошелся по классу взад-вперед, поднимая облачка белой пыли. Яна неуверенно кивнула. Мумия учительницы за столом и букет засохших цветов в вазе ее уже практически не пугали, но она все равно старалась не смотреть в их сторону. Пыль, поднятая Максом, осела на темных, коротко стриженных яниных волосах, на плечах и лице. Девушка поморщилась и чихнула. Желтые тетрадные листки в клеточку, лежавшие на парте, разлетелись в стороны, и прямо в полете рассыпались в прах.

– Я вот кино видел, там короче люди попали в какую-то ерундень, а в ней много комнат, железных таких, и все одинаковые. В некоторых ловушки. А на каждой двери цифры. Если их как-то там сложить и перемножить, можно разобраться, есть ловушка или нет. А еще они, цифры эти, подсказывали, как выбраться.

– Ну и как, получилось?

– Там, короче, один шизик был, ну, даун полный, умственно отсталый. Но он круто считал в уме, больше ничего не умел. Так вот, он выбрался. На этом фильм и кончился. Даже не показали, что снаружи.

– А остальные?

– Померли, – пожал плечами Макс. – Перерезали друг друга с психу. Ну, одного еще кислотой... хе, замочили. Ловушка сработала. Подсказку не так разобрали...

– Оптимистично, ничего не скажешь!

– Да ну тебя! Ведь тут тоже на каждой двери буквы и цифры – видела? Они наверняка что-то значат, надо только в систему въехать, – Макс подошел к доске и взял тряпку, намереваясь стереть корявую надпись «1 сентября». Но тряпка безнадежно окаменела. Макс в сердцах плюнул и швырнул ее на пол. Тряпка упала и раскололась на несколько кусков. Яна устало усмехнулась. Макс принялся стирать надпись рукавом. Получалось это у него плохо, доска лишь покрылась царапинами и белыми разводами, а сам Макс перепачкался мелом.

Яна опустила голову. Ее слегка тошнило – может, от противного скрипа, который раздавался при каждом движении Макса, а может, от голода. За те две недели, что она провела здесь, Яна съела лишь пару бутербродов да пачку китайской лапши, которую она сгрызла всухомятку, запивая сырой водой, сочившейся по капле из трубы. И еще Макс, которого Яна встретила пару дней назад, угостил ее чипсами.

...Яна оказалась в Светлом Будущем, можно сказать, случайно. В тот день ее мутило с самого утра. Скорее всего, причина была в выкушанной накануне в одиночку бутылке вина. Хорошо, что Сергей уже спал, и не видел, как его ненаглядная, захлебываясь и чертыхаясь, хлестала красную, противно—сладкую жидкость прямо из горла. Впрочем, Яне было на это плевать. Как плевать и на то, что она глушит свой страх гнусной дешевой бормотухой. Денег хватило только на такую дрянь, ну и ладно...

По дороге домой с Яной случилось нечто ужасное. Началось все с того, что на перекрестке ей в спину уткнулся кто-то. Яна оглянулась, и увидела пожилого мужчину в темных очках, и с тросточкой. Слепой тихим шелестящим голосом попросил довести его до дому, назвал адрес. Яна осторожно взяла заплутавшего инвалида за локоть, и тут ей стало как-то не по себе. Она почувствовала, будто где-то неизмеримо далеко словно пришли в движение гигантские проржавевшие, покрытые паутиной шестерни, до этого спавшие сотни лет...

Яна и слепой вошли во двор дома. Девушка бросила взгляд на песочницу. Мальчик лет пяти лепил куличики с помощью формочки. Все пространство вокруг него уже было занято одинаковыми песочными фигурками, но пацан с маниакальным упорством продолжал штамповать куличик за куличиком. Словно надеялся, что когда-нибудь результат будет иным.

Над головой увлеченного ваятеля зашелестели ветки. Яна вздрогнула. Она готова была поклясться, что в листве мелькнула обезьянка. Нет, просто показалось... Яна так задумалась о несуществующей мартышке, что не заметила грязной лужи и наступила в нее, почти до колен забрызгав ноги липкой зеленоватой грязью.

В ботинок девушке уткнулся кособокий кораблик, сделанный из газеты. Яна тряхнула ногой, и поток воды обдал утлое суденышко. Кораблик медленно потерял форму, превратившись в комок мокрой бумаги, и навсегда сгинул в темных водах своего зловонного океана...

Яна слегка подтолкнула своего попутчика, огибая лужу. «Шестой подъезд», – прошепел девушке на ухо слепой. Другой конец дома. Яна пошла вдоль здания, мысленно считая подъезды. И каждый из них, словно чувствуя приближение Яны и ее спутника, выплевывал им навстречу людей.

Из первого буквально вывалились парень с девушкой. Они обнимались так страстно, словно пытались срастись друг с другом.

Из второго вышел, задев Яну плечом, вусмерть пропирсингованный субъект с ярко-зеленым ежиком волос. Солнце отразилось в сережке в виде стрелы, пробившей бровь парня. Яркая вспышка на миг ослепила Яну...

Третий подъезд изверг на свет божий прилично одетого, но пьянящего парня с бутылкой дорогого вина в руке. Впрочем, перегар был не менее вонюч, чем от какой-нибудь паленки...

Из четвертого подъезда вышмыгнула старушка с полной авоськой помидорной рассады. За спиной у нее красовался внушительных размеров рюкзак, который и не каждый здоровый мужик поднимет. Дачная маньячка...

Из пятого подъезда не вышел никто, но до Яны донеслись страстные вздохи. Похоже, кто-то предавался любовным утехам прямо на лестничной площадке.

И, наконец, шестой подъезд продемонстрировал наглядный результат этих самых утех. Возле него, опираясь на стену стояла бледная беременная женщина. В ее глазах застыл ужас, под ногами расплывалась лужица – отходили воды.

Яна хотела броситься ей на помощь, но слепой несильно ударил ее по ногам своей тросточкой. «Погоди. Вот возьми – за помощь», – с этими словами он протянул Яне неизвестно откуда взявшийся бумажный пакет. Девушка взяла его в руки. Бумага тотчас же истлела и на асфальт, постукивая, словно костяшки домино, посыпались человеческие кости...

...Яна не смогла даже крикнуть – из горла вырвался лишь хриплый свист. Она резко развернулась и побежала прочь, перескочив через пьяного, подняв фонтан брызг в луже, растоптав стройные ряды песочных куличиков... Притормозила Яна лишь у магазина...

...Теперь Яна сидела на работе, мучаясь с похмелья, пялясь в монитор компьютера и ничего там не видя. Ее глаза слипались, и она сама не заметила, как заснула. Правда, дремала Яна недолго – минут через пять она судорожно дернулась и пришла в себя. Девушка мотнула головой, прогоняя остатки странного сна, что ей привиделся, и резко встала из-за стола. Перед глазами потемнело, шум в ушах на миг заглушил все однообразные звуки окружающего мира. Яна постояла пару минут, держась за спинку стула, потом решительно схватила свою холщевую сумку с дурацкими разноцветными значками, накинула на плечи куртку и побежала на улицу. На начальство плевать – сейчас важнее другое. Яна решила, наконец, поговорить с Катериной о том, что ее тревожило.

Едва она вышла наружу, как почти сразу же попала под мелкий противный дождик. Возвращаться за зонтом, забытым на работе, девушка не стала – почему-то испугалась плохой приметой. Она накинула на голову капюшон своей оранжевой курточки и побрела к оставке, огибая растущие на глазах лужи. Яна простояла там минут двадцать, но автобуса все не было. Со скуки она принялась изучать витрину находившегося неподалеку магазина стройматериалов. Дождь усиливался с каждой минутой. Неожиданно прямо к входу в магазин подъехала скорая помощь. Яна едва увернулась от брызг, поднятых колесами неотложки.

Спустя несколько секунд двое санитаров вынесли из магазина потерявшего сознание человека. Яна увидела его бледное окровавленное лицо. На миг ей показалось, что это был Сергей.

А потом все исчезло за сплошной стеной дождя – скорая, санитары, пациент... Зато прямо перед Яной словно из воздуха выросла невысокая рыжеволосая девушка. Сверля жену Сергея золотисто-зелеными глазами, полными ненависти, она отчетливо произнесла: «Мразь!». И тоже исчезла. Яна мотнула головой, прогоняя навязчивое. «Это все нервы, высыпаться надо», – бормотала она, залезая в подошедший наконец автобус. Когда Яна пришла к своей подруге Кате, та встретила ее, весело размахивая только что вылезшем из принтера листком бумаги:

– Вот! Он наконец прислал план! Минуту назад!

«Он» – это Максим Кравцов, искатель параллельных пространств, на сайт которого регулярно заглядывали Яна с Катей. Девушки некоторое время назад вступили с Графом Белое Крыло в переписку. Катя постоянно требовала с Кравцова план проезда до Светлого Будущего – ей почему-то очень хотелось посетить советские развалины. Макс долго отказывался. Но сегодня он, наконец, уступил. Яне почему-то это не понравилось. Кравцов, с которым она общалась только виртуально, был ей скорее симпатичен, но что-то в нем настораживало. Словно Граф Белое Крыло оценивал девушек, примерялся, готовясь то ли раскрыть вселенскую истину, то ли нанести смертельный удар...

– Янка! – Катя плясала вокруг подруги, не выпуская заветного листочка из рук. – Поехали прямо сейчас! Еще не поздно, просто глянем, правда ли это Будущее существует, и сразу домой! Я сегодня как раз машину из сервиса забрала, так что...

– Кать, может завтра? – Яна устало прислонилась спиной к стене. – Там дождь идет...

– Да кончился дождь, в окно посмотри!

– Мне сказать тебе что-то надо... насчет Серёги... – Яна зарыла глаза и запустила пальцы в свои намоченные волосы. Ей хотелось спать.

– Да хрен с ним, с этим придурком! Потом расскажешь. Ну, поехали, Янка! Только глянем, и сразу обратно!

– Знаешь, Катя, – Яна медленно сползла по стене и села на стоящую на полу сумку. – Мне Баревский, как раз в тот день, когда ты нас познакомила, тоже про Светлое будущее говорил...

– И что?

– Андрей мне сказал, что если я захочу туда, ну, в это Будущее, отправиться, сто раз надо подумать. И предварительно с ним посоветоваться. Он мне адрес на бумажке написал, и еще кое-что по поводу Светлого Будущего. Меня это как-то насторожило...

– А что именно?

– Что-то про двери... Сейчас, – Яна полезла в карман. – У меня в записной книжке эта бумажка... Черт!

– Что такое?

– Да дома я книжку оставила! Вместе с запиской...

– И фиг с ней! Яна! – Катя схватила подругу за плечо и силой поставила на ноги. – Кончай хандрить! Поехали!

– Ну ладно, – устало выдохнула Яна. – Дай только съем что-нибудь.

– По дороге поешь! – Катя сунула ей в руки пакет с бутербродами и пачкой лапши. – Все, все, поехали!

И Яна нехотя согласилась...

...Яна и Катя нашли с помощью карты Светлое Будущее, побродили по парку, потом вернулись, попытались открыть заколоченный вход, ничего не добились, и уже собрались было домой, как вдруг Катя заметила нечто интересное.

– Эй, Янчик! Глянь-ка! – Катерина показала рукой наверх, чуть правее входа. Яна подняла голову и увидела узкую пожарную лесенку, ведущую в небольшое окошко на фасаде Дома Культуры.

– Странно, – Яна наморщила лоб. – Вроде не было ее раньше здесь...

– Да ну, фигня! – эти слова Катя весело прокричала, уже повиснув на нижних ступеньках лесенки. – Пойдем, посмотрим, что там.

– Что-то не нравится мне это. Говорил же Андрей, что не во всякую дверь соваться надо. И не во всякое окно, наверное, тоже, – Яна покачала головой, но все же полезла за Катей. Вскарabкавшись наверх, девушки оказались в маленькой квадратной комнатке, сплошь отделанной белым кафелем. Посреди комнатки стояла абстрактная скульптура – два гипсовых шара, и тоненький кривой столбик между ними. Один шар был почти полностью разрушен. Создавалось такое впечатление, что кто-то отгрыз от него кусок. К столбику были прикреплены две бронзовые, позеленевшие от времени, латинские буквы «AD». Судя по торчащим из гипса штырькам, должно было быть еще две буквы, но они куда-то подевались.

– Вот это да! – Катя восхищенно уставилась на абстрактную композицию. – Янка, мы попали в «AD»!

– Ладно, Катюша, все, пошли отсюда. Давай завтра снова вернемся, и все посмотрим.

– Сейчас, сейчас. Я только в коридор выгляну – дверь-то открыта, смотри, – с этими словами Катя выскочила из комнаты. Яна чуть задержалась у столбика и медленно провела рукой по бронзовым буквам. Ей почему-то вспомнился Сергей... Но надо было вернуть не на шутку разошедшуюся Катю.

Яна вышла в коридор, такой же кафельный, как и комната. Где-то капала вода. Кати не было видно.

– Эй, Катя, – позвала Яна сперва негромко. – Катя, ты где?

Но она ничего не услышала в ответ, только вода продолжала капать. Яна прошла по коридору, заглянула в пару пустых кафельных клетушек, но Катю так и не нашла. А когда она вернулась в комнатку со скульптурой, то обнаружила, что и окошко в стене тоже исчезло. В поисках выхода Яна бродила по Дому Культуры почти две недели, пока не встретила Макса...

...То, что это Макс Кравцов – Граф Белое Крыло – с которым она познакомилась по Интернету, Яна поняла почти сразу. У нее чесался язык спросить у Макса, откуда он сам узнал про Светлое будущее, сколько народу отправилось исследовать этот непонятный Дом культуры, и вернулся ли кто-то. Но что-то ее сдерживало. А о Сергее Яна вспоминала почему-то все чаще. Своими мыслями о нем и о себе она и поделилась с Кравцовым. И сегодня утром (или это был вчерашний вечер?) Макс убедил Яну в том, что ее поиски себя явно развивались в неверном направлении...

– Янка! – Макс отвернулся от доски. – Глянь-ка!

Яна вздрогнула и посмотрела на доску – вся она была исписана буквами и цифрами, которые встречались на дверных табличках. – Видишь в этом какой-то смысл?

– Нет... – Яна устало покачала головой. – Чушь какая-то. Хотя, я не математик. А ты?

– Я сисадмин, ну, компьютерщик... Программирую немного... Черт, что-то это должно значить!

– Брось! – Яна встала. – Будь ты хоть Нобелевский лауреат, ты же не жрал ничего два дня, кроме этих чипсов!

– Три дня, если уж точно. Не впервой. Вот без кофе реально ломает. Знаешь, раньше я выход отсюда находил без проблем. А вот сейчас почему-то заблудился. Хорошо хоть, тебя встретил.

– Да уж..., – Яна оперлась на парту, и обвела взглядом класс. Комната была освещена желтоватым рассеянным светом. Он шел из-за окон, однако, откуда конкретно, было не ясно –

в нескольких сантиметрах от стекол находилась бетонная стена. Если не считать этой стены, да мумифицированного трупика учительницы, это был обычный класс. Три ряда парт, шкафы с наглядными пособиями, пожелтевшие таблицы на стенах, над доской висит черно-белый портрет Ленина.

В дальнем углу класса была свалка. Три металлических кровати без матрасов, на них – кусок целлофана, пара пыльных красных подушек и груды бумаги – страниц из книг. Яна уже успела рассмотреть эту помойку поподробнее. На одной из кроватей сидела голая пластмассовая кукла с копной рыжих волос. Вокруг глаз, на шее и руке игрушки расплывались иссиня-черные кляксы плесени. Кукла сидела верхом на противогазе, засыпанном то ли мелом, то ли гипсом. Рядом валялась облезлая деревянная пирамидка. На ржавых пружинах соседней кровати лежала еще одна кукла. У нее не было ни глаз, ни верхней части головы. Полуистлевшее платьице в дурацкий цветочек задралось, обнажая трусики ярко-красного цвета. Неестественно выгнутая нога куклы указывала своей ступней, заляпанной голубой краской, на мятую книжную страницу, на которой Ленин о чем-то беседовал с детьми...

– Слушай, – Макс отвернулся от доски. – Я тут подумал... Смотри, это же вроде, дом культуры.

– Угу, – Яна от нечего делать принялась изучать висевшую на стене ободранную таблицу «Животные и растения зимой»

– Чего здесь не хватает, как ты думаешь?

– Культуры? – Яна криво усмехнулась.

– Не, я серьезно. Тут же одни коридоры и маленькие комнатки, да? А ведь зал должен быть, верно?

– Верно..., – Яна перевела взгляд на Макса.

– Тебе он попадался? Я вот раз пять сюда навевывался, и ни разу не видел.

– Нет. А еще лестница. Тут же три этажа, или четыре даже... Лестница должна быть. А ее нет.

– Странная архитектура, не находишь?

– Очень. Честно скажу, на дом культуры это вообще не похоже. Вот хотя бы этот класс – на хрена он здесь?

– Знаешь, Ян, если найдем лестницу наверх, то, может, и выберемся.

– Это как?

– Там галерея наверху, остекленная. Стекло можно разбить, и выбраться. Спустимся как-нибудь. Я почти уверен, что это сработает.

– А..., – и тут Яна осеклась.

– Что такое?

– Слушай!

Макс прислушался. Из коридора явственно доносился приближающийся хруст плитки под чьими-то тяжелыми шагами...

5

...Трещина на кафельной плитке напоминала звезду. У Баревского она сейчас вызывала лишь одну ассоциацию – с десятью орденами «Алмазная звезда», хранившимися в ящике у него дома. Сам ящик был надежно припрятан за бачком унитаза. Узнай начальство об этом, Баревского по головке не погладили бы. Сочли бы подобный демарш пережитком, ненужными выкрутасами ИД-а. А ИД, как известно, настоятельно рекомендовалось использовать только для Дела. Но сам Андрей был уверен, что имеет право на это небольшое хулиганство – после всех тех неудобств, что приходилось терпеть. И всех его заслуг, конечно. Хотя, это тоже всего лишь капризы ИД-а, не более того. Раковая опухоль сознания. Как и та боль, которую он сейчас испытывал. Ее ведь тоже на самом деле не было. Все он ее создавал, ИД поганый, мощное оружие Андрея, которое его же делало беспомощным. И единственное преимущество заключалось в том, что сам Андрей, в отличие от большинства людей, знал о никчемности собственного ИД-а. И о том, что он сам наделен этим неудобным оружием временно...

...Весь мир, тем не менее, по-прежнему ограничивался треснутой плиткой. Поэтому Баревский собрался с силами и одним резким движением оторвал голову от пола. Рядом с трещиной-звездой на кафеле осталось загустевшее бурое пятно. Андрей потрогал разбитую губу и поморщился от боли. Потом пошарил рукой по кафельному полу в поисках очков. Они обнаружились неподалеку, одно стеклышко треснуло.

– Вот тварина! – с чувством выдохнул Баревский, надел разбитые очки и, постанывая, поднялся с пола. Ноги его не держали. Он оперся на стену, тяжело дыша. Из его носа, тоже расквашенного, смачно шмякнулась на пол густая капля крови. И растеклась еще одной звездой.

– Ну, товарищ полковник, – Андрей вытер нос рукавом и оглянулся. Но Полковника не было – очевидно, за то время, что Баревский валялся без сознания, он успел уйти. Это, конечно, опять ИД, но все равно Андрею было обидно. Раньше ему как-то удавалось избегать конфликтов с Полковником. Но сегодня тот дал волю рукам. Ну, и ИД-у своему в чем-то тоже. Да, в этом весь Второй. Ему есть за что держать зло на всех и вся. Но он хоть, в отличие от идеалиста и мечтателя Первого, делал дело, и многого достиг. Благодаря своей железной дисциплине, куда уж без нее! И того же он требовал от других. Непослушание тут же наказывалось. Баревский попытался мысленно оправдать себя. «Ну, пошалил немного, ну пошел на поводу у ИД-а своего», – думал он. – «Подумаешь, незапланированное впрыскивание! Сырье ценное, видите ли, разбазарил! Подотчетный семенной фонд! Зачем же сразу морду-то бить? И, кстати, с совоборотнями у нас сейчас напряженка. А концентрация у меня уже скоро восстановится»...

...С молодым явно было что-то не так. Он в последнее время слишком много стал себе позволять. И чего-то парень не договаривал, хитрил, гаденьши.

Баревский медленно брел по коридору Дома культуры, размышляя о том, что же могло случиться с его воспитанником. «Ведь Она же намертво привораживает, полностью подчиняет, – думал Андрей. – А этот словно способ нашел...»

Мысли Баревского прервал тихий звук плача. Он пошел быстрее, напряженно прислушиваясь к сдавленным всхлипам, и вскоре наткнулся на рыжеволосую девочку в белой футболке и короткой юбке. Девочка сидела на полу, обхватив руками колени, и плакала. Баревский почти сразу же узнал ее.

– Катя? – удивленно спросил он.

– Андрей Александрович? А вы-то здесь откуда?! – подняла зареванное лицо Катерина. С Баревским они были знакомы давно. Катя работала администратором в художественной галерее, куда Андрей регулярно приносил на продажу свои работы. Он же в свое время и показал Кате любопытный сайт Макса Кравцова...

– Ты чего это тут делаешь? – Баревский опустился на колени рядом с Катей и положил руку ей на плечо. – Ты как вообще попала-то сюда?

– Права была... Янка..., – шмыгая носом, пробормотала Катерина. – Не фиг было... соваться в дом этот... А мне Кравцов... план присла-а-ал! – и она снова разревелась.

– Ну, ладно, ладно, – Баревский осторожно погладил Катю по спутанным рыжим волосам. – Кравцов этот – полный придурок. Тщеславный и опасный. Он об этом месте ничего практически не знает, а все туда же! Популярность дешевая ему нужна, вот он сайт и создал. Пару раз заглянул в Светлое будущее, и уже считает себя спецом! А сюда нельзя без подготовки соваться! Ты хоть одна, надеюсь, в ДК залезла?

– Нет, – Катерина вытерла слезы рукавом. – Со мной подруга была. Яна. Мы потерялись... Я только вышла в коридор, а выход... найти не смогла... он пропал... И Янка тоже... пропала...

– Какая Яна? – Баревский нахмурился. – Яна Юдина? Журналистка?

– Угу.

– Ох, Катя, Катя... Поверила этому дураку Кравцову! Янке проще чуток, конечно, она про Дом культуры знает кое-что, я ей рассказывал...

– То-то она идти не хотела... А я, дура, блин, не послушала... Ну кто знал, что здесь так легко заплутать! Я просто на пару шагов отошла... а двери... нет уже... Исчезла... Скажите, Андрей Александрович, неужели здесь и правда есть выход в другое измерение? И я... мы уже там?

– Не исключено..., – Баревский, нахмурившись, посмотрел куда-то мимо Кати. – Этого я пока сказать не могу. Я тоже здесь не все еще изучил. Да это и невозможно... Но, у меня создается впечатление, что само пространство Дома Культуры имеет куда большие измерения, чем остальной наш мир. Не три, а четыре, а может даже пять или шесть. Причем, я подозреваю, что здесь многомерно не только пространство, но и время, как бы по-идиотски это не звучало... Но они всего не покажут...

– Кто они? Говорят, что его инопланетяне построили – ну, Дом культуры этот...

– Может, и инопланетяне... План дома постоянно меняется, логики никакой. Я где-то читал, что в нашем мире не три, а одиннадцать измерений, но только восемь из них настолько малы, что никакое движение там не возможно. А здесь все они вроде как раскрылись... Короче говоря, заплутать в этом Доме культуры – ничего не стоит.

– Так мы выбраться отсюда сможем или нет? – Катя встала, опираясь на протянутую руку Баревского. – И Янку найти?

– Насчет Яны – нечего тебе в данный момент сказать не могу. А выбраться вполне реально – я же здесь не в первый раз. Пойдем, у меня тут одна идея появилась, – с этими словами Баревский взял Катю под руку. Та едва заметно поморщилась, но послушно пошла вслед за ним по кафельному коридору.

Спустя некоторое время они уперлись в тупик. Стена, перед которой остановились Катя с Баревским, была покрыта не кафелем, а грязной облупившейся зеленой краской. На ней висела обиарпанная доска почета, на которой было восемь прозрачных кармашков для фотографий. Два из них пустовали, а в шести остальных находились абсолютно одинаковые черно-белые снимки. Изображали они одутловатое, заплывшее жиром лицо какой-то злобной тетки в строгом черном пиджаке и ишишкой серых волос на затылке. Под фотографиями вместо подписей были номера от одного до восьми.

– Ух ты! – удивленно воскликнула Катя. – Это еще что такое?

– А ты разве не видишь? – как-то неожиданно томно спросил Баревский. – Доска почета, разумеется.

– Какая-то она странная...

– Это не важно, – прошептал Андрей, встал у Катерины за спиной и положил руки ей на плечи.

– Не надо! – Катя попыталась освободиться. – Мне неприятно!

– Важно другое, – Баревский сжал пальцы крепче, не обращая никакого внимания на Катинины протесты. – Есть два вакантных места. Для таких, как ты. Тоже мне, женщины, блин. Идеальная схема эволюции для всех вас уже давно придумана.

– Что-что?

– А то, дорогая моя, что мне абсолютно по барабану, что ты с бабами спишь! – с этими словами Баревский буквально отшвырнул от себя Катерину. Девушка ударилась о стену и с тихим стоном сползла на кафельный пол.

– Товарищ Анубис, ваш выход, – ухмыльнулся Андрей и наклонился над девушкой...

...Прошло полчаса. Еще не стих хруст кафеля под удаляющимися тяжелыми шагами, а Баревский уже получил мощный удар в челюсть. Потом еще один – в нос. И напоследок – прощальный пинок ногой под ребра. Так завершилась для Баревского встреча с Полковником, который имел талант появляться неожиданно в разных местах Дома Культуры. Андрей остался лежать на полу без сознания...

– Ну и ладно, – художник поправил очки и, шатаясь, поковылял вдоль стены, слегка опираясь на нее кончиками пальцев. Дойдя до двери, он прочитал надпись на табличке. «Апплодисментная».

– Придурки. Что за название выдумали? – криво усмехнулся Баревский и открыл дверь. В «Апплодисментной» лежали кучей метлы, лопаты и тряпки. Там же валялась сгнившая фанерная доска с остатками золотистых букв «ска п ёта». На доске висело восемь пожелтевших фотографий. Только на них были изображены не лица толстых теток, а какие-то скульптурные девичьи головы – почти такие же, как у девушки с веслом в парке. Андрей, покопавшись, в куче мусора, извлек оттуда знамя. Точнее, от знамени остался лишь полуистлевший драный лоскут неопределенного цвета. Баревский без труда оторвал его от флагштока, увенчанного наконецником в виде копья. В центре его было отверстие—звезда. Андрей посмотрел на свет сквозь эту пентаграмму, и удовлетворенно кивнул:

– Чем я тебя породил, тем тебя и убью, – сказав так, он продолжил свой путь...

6

...Устав ждать Сергея, Ирма отправилась на его поиски. Она обошла Дом культуры по периметру, а потом свернула в парк. Половина фонарей на аллее, по которой она шла, была разбита, но и оставшиеся освещали путь неплохо. Жена Баревского была в этом парке не раз, и помнила практически все скульптуры, что попадались на ее пути. У пионера с горном не хватало одной ноги до колена и доброй половины головы. Лицо пышнобедрой девушки с младенцем на руках было залито синей краской, а на левой ягодице красовалась надпись «fuck ю». У рабочего в груди зияла дыра, из которой торчали куски арматуры. В конце аллеи маячила девушка с веслом...

...Первый раз Андрей привез Ирму сюда через два года после их свадьбы. К тому времени оба уже были наркоманами с солидным стажем. Правда, потом с Баревским случилось некое чудо. Андрей бесследно исчез, и Ирма была почти уверена, что ее ненаглядный благополучно помер от передоза в какой-нибудь подворотне. Но через месяц он неожиданно вернулся. Ирма с трудом узнала в госте тощего, бледного доходягу с синяками под глазами – таким еще совсем недавно был Андрей. Баревский не сказал ни слова, даже не поздоровался, лишь, хамовато усмехаясь, закатал рукав. Ирма тупо уставилась на гладкую, розовую кожу, с четким, словно реки на контурной карте, рисунком вен. Потом Андрей все так же молча взял жену за запястье и легонько потряхнул. Цыплячья рука Ирмы была синюшно-бледной, в мелких, местами гноящихся ранках. Точно такая же, как и у Андрея недавно... «Как?» – по своему обыкновению, одними глазами, спросила Ирма.

– Узнаешь, – продолжая ухмыляться, ответил Андрей, – Покажу тебе одну штуку...

С этими словами он резко ударил жену кулаком в живот. Ирма со свистом выдохнула и согнулась пополам. Баревский толкнул ее, женщина ударилась головой о стену и потеряла сознание...

...Ирма пришла в себя у подножья Девушки с веслом. Андрей сидел на корточках рядом и пристально, почти не мигая, смотрел на жену. Ирма попыталась что-то сказать, но губы ее не слушались. Не могла она и пошевелиться. Вокруг буквально на глазах темнело. Ирма уже с трудом различала фигуру Андрея, лишь статуя девушки с веслом излучала неяркий голубоватый свет. Баревский без особого труда перевернул Ирму на живот и с силой ударил ее ребром ладони между лопаток. И тут Ирма явственно ощутила, что Андрей достал из нее НЕЧТО... Какую-то часть ее самой – не тела, не души, а чего-то совсем другого. Ледяной ужас завладел всем существом Ирмы – ей даже показалось, что она слышит, как хрустят где-то внутри миллионы микроскопических кристалликов льда. Ей захотелось крикнуть, но, как в кошмарном сне, у нее не получилось издать ни звука. Из ее груди лишь вырвался с сильным надрывным свистом воздух, здорово отдающий перегаром. Баревский еще раз ударил Ирму. И снова на свободу вылетела очередная порция воздуха. А потом Ирму стошнило. И сразу же, словно блевотина освободила дорогу звуку, Светлое Будущее огласилось истошным криком...

– Не сдерживайся! – раздался голос Андрея, гулко, словно из трубы. Больше он не произнес ни звука. Ирма, выпучив глаза, запрокинула голову. Ее взгляд уперся в пустые гипсовые глаза девушки с веслом. На миг Ирме показалось, что на белых, покрытых глубокими трещинами губах появилась язвительная ухмылка. А потом живот девушки начал надуваться на глазах. И тут Ирма поняла, что эта совковая богиня забеременела от вырванного куска ее, Ирмы, индивидуальности. И совсем скоро она произведет на свет чудовище. Но тут Андрей с размаху ударил жену по голове, и та потеряла сознание...

...Баревский встал, прикрыл глаза и некоторое время стоял, едва заметно шевеля губами. Потом он резко развернулся, обошел статую и поднял с земли кусок брезента. Под ним обнаружилась миниатюрная копия Дома культуры. Андрей осторожно взял макет

и оторвал его от земли. Тот оказался полым внутри. Под Домом культуры находилась газетка, на которой стояла початая бутылка портвейна, а рядом лежал обкусанный с разных сторон батон черного хлеба. Баревский отставил макет в сторону, потом открыл небольшую дверцу в постаменте статуи и извлек оттуда граненый стакан, блюдо с гербом СССР и красную эмалированную звезду с серпом и молотом. Андрей разложил эти приборы перед собой, затем аккуратно отщипнул кусочек от батона, положил его на звезду, а ее водрузил в центр блюда. Потом он примерно на четверть наполнил стакан портвейном. Сделав это, Андрей встал, подошел вплотную к статуе Девушке с веслом и с усилием провел пальцем по внутренней поверхности ее бедра. На пальце остался след известки и темный сгусток крови. Баревский улыбнулся и медленно провел рукой по куску хлеба, размазывая кровь по нему, а остатки растворил в портвейне.

– Ну, за воссоединение, – пробормотал Андрей себе под нос, взял блюдо со стаканом и вышел к Ирме. Та по-прежнему была без сознания. Баревский перевернул ее, достал из кармана скомканный красный флаг и положил жене на грудь, аккуратно расправив. Ирма тихонько застонала – она начала приходить в себя.

– Жаль, дорогая, ты не сможешь осознать величие момента, – покачал головой Баревский, взял с блюда звезду и резко воткнул ее нижние лучи Ирме в подбородок. Она вскрикнула, и вымазанный кровью кусочек хлеба скатился прямо в ее открытый рот. Туда же Баревский вылил портвейн из стакана.

– Ну, вот и все, – удовлетворенно улыбнулся Андрей. Его жена снова застонала, из уголка ее рта стекла тонкая струйка кровавой слюны...

...После этого Ирма стала много пить, курила по три пачки сигарет в день, но к наркотикам больше не притрагивалась. А еще она практически перестала стареть – словно после встречи с гипсовой Девушкой остановились какие-то невидимые часы... О том, что Андрей сделал с ней тогда, Ирма никогда его не спрашивала. Мешал страх, животный и безотчетный. Ирме казалось, что как только она лишь попытается спросить, снова вся грудь ее наполнится жутким, никуда не выходящим воздухом, а каждую клеточку тела пронзят ледяные иголки...

...Странно, но на само Светлое Будущее ирмин страх не распространялся. Она несколько раз ездила туда с Андреем, и, пока он делал наброски скульптур, бродила по парку, не думая ни о чем. Ирме даже доставляло это удовольствие, наполняло ее неким покоем и умиротворением. Только к Девушке с веслом она предпочитала не приближаться...

Но сейчас Ирма безо всякого страха стояла прямо перед этим советским парковым шедевром. Девушка уже не представлялась ей жуткой беременной богиней. Грязный, потрескавшийся кусок гипса – вот и все, что видела Ирма. Ей показалось, что в знакомой фигуре что-то изменилось. Ирма подошла поближе, и с удивлением обнаружила, что в пьедестале статуи появилась дверь. Она толкнула ее. Раздался скрип, и прогнувшись, висящая на ржавых петлях дверь отворилась. За ней была лестница, ведущая вниз. Освещала ее лишь красная аварийная лампочка.

– Дурдом! – сквозь зубы процедила Ирма, присела на корточки и закурила. Это была последняя сигарета, и жена художника, нервно смяв пустую пачку, выбросила ее куда-то в кусты. Ирма курила, глядя, как причудливо извивается дым в желтом свете парковых фонарей, освещающих аллею. Неожиданно, гудение одного из них стало громким и надрывным. Потом лампочка мигнула пару раз, раздался хлопок, и фонарь погас. А потом еще один. И еще. И еще. Когда вся аллея погрузилась во мрак, Ирма в сердцах швырнула недокуренную сигарету на землю и растоптала ее носком ботинка. Огонек окурка упорно не желал гаснуть, но Ирма все-таки добила его каблуком. Луна зашла за тучи, и теперь единственным источником света осталась красная лампочка у входа в подземелье. Ирма нащупала у себя под ногами железный

прут – видимо, часть остова какой-то из статуй, подняла его, встала, резко выдохнула и вошла в дверь.

Спустившись по лестнице, она оказалась в неожиданно симпатичном коридоре. Он был хорошо освещен— на стенах на равном расстоянии друг от друга висели лампы, оформленные в виде факелов, и все ярко горели. Пол был вымощен разноцветной мозаикой, а сам коридор расписан в египетском стиле. Однако герои и сюжеты фресок пришли явно не с берегов Нила. Например, там были развернутые в профиль красноармейцы в буденовках, громящие белогвардейцев. А рядом – такой же «египетский», но вполне узнаваемый Владимир Ильич. Около него стоял бог Анубис и взвешивал его земные дела. Правда, делал он это на типичных советских магазинных весах с характерным набором гирек. («Недовешивает, наверняка!» – мысленно усмехнулась Ирма). В таком же египетском стиле на фресках была представлена практически вся история СССР.

Правда, после полета Гагарина (его ракета находилась в папирусной лодке, которую тянула по небу священная корова с солнцем между рогов), начиналось нечто фантастическое. Советские космонавты встречались в небе с египетскими богами и получали от них какие-то шары и кристаллы. Дальше было изображено строительство дома культуры, такого же, как и тот, в котором сгнули Баревский, а затем и Яна с Сергеем. Боги со звериными головами явно благоволили строительству – из их ладоней на ДК устремлялись лучи света. На следующей фреске внутри уже построенного дома корчились в огне темные фигурки. А потом от них остались лишь искореженные скелеты, а из ДК стройными рядами выходили навстречу солнцу совершенно одинаковые люди с красными звездами во лбу. Дорога, по которой они шли, была вымощена костями.

Над этой демонстрацией трудящихся в лучах голубого пламени парил человек с тремя глазами. Лицо его показалось Ирме странно знакомым. Но вот только где она могла видеть трехглазого, жена художника вспомнить не смогла. На следующей картинке этот таинственный человек сражался на мечях с каким-то космонавтом, и на этой занятой фреске коридор заканчивался. В его торце была металлическая лестница, уходящая в люк на потолке. На самом люке было написано: Die DUSCHA, Der MOZGH, Der NERV. Ирма поднялась по лестнице и оказалась в маленькой комнате. И тут ее разобрал истерический смех. Ирма сползла по кафельной стене на кафельный же пол и обхватила руками один из гипсовых шаров. Эту комнату она уже видела – на рисунке своего пропавшего мужа, который всего несколько часов назад показывала Сергею. Имелось только одно отличие – на одном шаре размашисто и криво была намалевана кистью буква «А», а на другом – «D»...

7

... Яна и Макс, с опаской оглядываясь, вышли в коридор. Шаги становились все громче. Яна пошарила в своей сумке и вытащила оттуда газовый баллончик. И тут из-за угла медленно вышла женщина. Точнее, это была невообразимо толстая тетка. Ее массивные бедра при каждом шаге сметали пыль со стен не такого уж узкого коридора, а груди, похожие на два арбуза, устрашающе колыхались. Под слоновьими, волосатыми ногами трескалась кафельная плитка на полу. Одетая тетка была в строгий черный костюм – юбку ниже колен и пиджак. На груди был приколот значок в виде красного знамени. Довершали образ мышино-серые волосы, собранные в шишку на затылке, одутловатое лицо, нос, похожий на свиной пяточок и злобные, маленькие, заплывшие жиром глазки, в упор смотрящие на Макса и Яну. Точно такая же тетка, как и на висевшей где-то в закоулках Дома культуры доске почета...

– Твою мать, – прошептал Макс и сделал несколько шагов назад. И вдруг тетка оскалилась и с неожиданным для своей комплекции проворством кинулась на него. Она моментально повалила Макса на пол, подмяв всей тяжестью своей туши. Треснувшие под нешуточным весом кафельные плитки впились Кравцову в спину. Он захрипел, и Яна тут же выпустила в тетку струю газа из баллончика. Но это на нее никак не подействовало. Она лишь зашипела, словно кошка, и, отпихнув Макса в сторону, бросилась на девушку. Яна успела отскочить, но тетка задела-таки ее своей рукой, оцарапав до крови ногтями локоть. Изрядно помятый Макс с трудом поднялся с пола и прыгнул на женщину сзади, обхватив ее за толстую шею, но та скинула его, словно пушинку. Кравцов ударился о стену и, обмякнув, сполз на пол, оставляя на кафеле красные потеки.

Тетка схватила Яну, сжав на ее шее пальцы-сосиски, оторвала от пола и придавила спиной к стене. У девушки потемнело в глазах, и она начала терять сознание. Но вдруг Яне в грудь ударила струя воздуха, а потом уперлось что-то твердое и холодное. Раздалось громкое шипение, и железная хватка женщины ослабла. Яна опустила взгляд и увидела, что между огромных грудей тетки торчит наконечник копья со звездой посередине. Из проделанной им дыры со свистом выходил воздух, как из лопнувшего воздушного шарика. Но крови почему-то не было совсем. Тетка медленно разжала пальцы, и Яна упала на пол. Толстуха рухнула вслед за ней, успев к тому времени существенно слуться. Яна приложила руки к синюшно—красным отметинам на своей шее и посмотрела наверх. И тут она увидела своего спасителя. Это был невысокий худощавый рыжеволосый мужчина лет сорока, в круглых очках с одним треснувшим стеклом. Нос и губа у незнакомца были разбиты, под глазом красовался синяк, одна щека ободрана до крови, но при этом он довольно улыбался. В руке мужчина держал копьё, которым и проткнул тетку. Она теперь складчатой шкурой лежала на полу, выпустив весь воздух.

– Жива? – человек протянул Яне руку и помог встать.

– Угу, – девушка с трудом поднялась, опираясь о стену и дрожа всем телом. – Вы кто?

– Янка! Да неужто не узнаешь? Посмотри-ка повнимательней!

– Андрей? Художник? – удивленно прошептала Яна.

– Он самый. Заплутал здесь маленько.

– Давно?

– На этот раз – дня два. Может больше. Я в отключке пролежал неизвестно сколько.

На полковника нарвался.

– Полковника?

– Ну да. Шарахается здесь такой. Лучше ему не попадаться. А я вот, – Андрей, поморщившись, дотронулся до разбитой губы, – Попался...

– Так ты же говорил, что не заходил сюда...

– Заходил. И не раз. Просто без подготовки это опасно, вот я тебе сюда соваться и не советовал. А я просто пытаюсь понять, что это за хрень такая – Дом культуры. Исследую его потихоньку... Кое-что домой приношу...

– Значит, отсюда можно выбраться?

– Можно. Но не все так просто. Каждый раз – новые загадки. И совсем не безопасные...

– Да уж... А как ты... О Боже! Макс! – с этими словами Яна бросилась к своему товарищу, безжизненно лежащему на полу. Она тряхнула его за плечо, и тут же отдернула руку. С яниных пальцев на пол упало несколько красных капель. Андрей опустил на одно колено рядом с ней, слегка отстранил девушку и прикоснулся к шее Макса, шупая пульс. Через несколько секунд он покачал головой и убрал пальцы. Яна затряслась в беззвучной истерике. Андрей крепко схватил девушку за плечи и резко поднял вверх.

– Спокойно. Он сам виноват. Не фиг было сюда соваться, это тебе не парк экстремального отдыха. Нашел, блин, Диснейленд, сталкер хренов! Сайты он делал! Агитировал, понимаешь, народ Светлое будущее изучать! И ведь многие на это велись, и кто знает, сколько еще придурков сюда поперлось. А ты, идиотка, радуйся, что сама жива осталась. Совоборотень очень опасен.

– Сова... оборотень? – прохрипела Яна

– Совоборотень. Ну, это я их так называю. Советский оборотень. Их три разновидности всего. Эта жирная тетка – самая злобная.

– А остальные? – Яна начала постепенно успокаиваться. Голос Андрея, хриплый, но приятный, действовал на нее умиротворяющее. С каждым сказанным словом образ мертвого Макса бледнел в Яниной памяти. А Баревский тем временем продолжал размеренным тоном лектора:

– Первая разновидность – так называемая «пионерка». Маленькие, вредные, ножки, словно спички, и при этом – очень злобные. Обычно стайками нападают. Живьем людей разрывают на части и едят. Когда подрастают, то превращаются в комсомолок. Это... ну вроде как, совковые культуристки. Девушки с веслами. Физкультурницы. Такая одним ударом кулака коня свалит. Правда, они туповаты и тормозят порой не по-детски. Расправиться с этими бабами проще простого. Их, кстати, очень мало – долго в девичестве комсомолкам побыть не доводится. Потому что по правилам самочка должна быть покрыта как можно раньше. Желательно, сразу же по достижению репродуктивного возраста. После этого несколько лет подряд рождает, плодится. Потом приходит климакс, и в результате ее раздувает от злобы, и вот такая слониха получается. Ее только копьем убить можно. Желательно, с советской символикой.

– А кто их оплодотворяет? И где? И откуда вообще эти пионерки-комсомолки берутся? – янина истерика сошла практически на нет, зато проснулось профессиональное любопытство.

– Да здесь, в ДК... Слушай, Яна, пойдем-ка отсюда. Не дай бог, еще кто сюда припожалует. Здесь таких тварей еще немало, – с этими словами Андрей обхватил Яну за плечи и силой потащил за собой. – Идем, идем, я все потом тебе расскажу.

Яна, с трудом передвигая ноги, потащилась вслед за Андреем. Он крепко придерживал девушку за шею, словно не позволяя ей оглядываться. И поэтому она не увидела, как шкура совоборотня на полу зашевелилась, сморщилась и рассыпалась в прах. А под ней оказалось обнаженное тело молодой красивой женщины с прекрасной фигурой и копной огненно-рыжих волос. Это была Катя, изнасилованная Баревским под доской почета две недели назад... Ее тело медленно начало таять, и через несколько минут превратилась в лужицу голубоватой жидкости, которая быстро просочилась под плитку на полу. Не увидела Яна и того, как Макс, вполне живой, пришел в себя и, харкая кровью, с трудом приподнялся и прислонился к кафелю. Стена за его спиной вдруг обмякла. Макс ойкнул и ушел в керамическую плитку, словно в воду. По стене прошли круги, и все стихло. Только где-то далеко по-прежнему раздавалась гулкая капель...

8

...Эта дверь в конце коридора отличалась от остальных. Она была обита жесткой коричневой кожей, а на квадратной бронзовой табличке поблескивала рубиновая звезда с золотистым селедочным скелетиком внутри. Сергей провел пальцами по блестящей ручке. Может, это выход? Он обошел уже бесчисленное количество коридоров, заглянул за сотни, а может, за тысячи дверей. И почти совсем потерял надежду...

Кроме белого квадратного кафеля, серого бетона, да грязной потрескавшейся штукатурки он почти ничего не увидел. Смысла и назначения самих комнат Сергей тоже понять не мог. Например, в одной из них, площадью квадратов этак сто, в центре находился крошечный, неглубокий, выложенный все тем же кафелем, бассейн. Даже Сергей, не отличавшийся богатырским телосложением, уместился бы в нем с трудом. Одну из стен этой комнаты – хоть какое-то разнообразие – украшала мозаика. Что-то, кажется, на космическую тему. Разобраться было трудно – большая часть разноцветных квадратиков, из которых была составлена картинка, давно отклеилась, и теперь валялись по всей комнате. Некоторые из кусочков лежали на дне бассейна, под слоем вонючей застоявшейся воды желтоватого цвета.

Лишь один фрагмент картины сохранился настолько хорошо, что Сергею удалось его рассмотреть. Он изображал синеволосяю женщину с тремя глазами, каждый из которых испускал голубой луч. В одной руке женщина держала палку, а в другой – подкову. Впрочем, это вполне могли быть латинские буква «I» и «U», а может, и что-то совсем другое. Женщина парила в воздухе, среди серовато-синих облаков. На ее шее висело ожерелье из смайликов. Смысла картины Сергей не понял, но она почему-то ему очень понравилась. Внутри появилось какое-то смутное ощущение, что странная синеволосяя женщина – не часть этого сумасшедшего ДК, не часть Светлого Будущего, и она вполне может указать путь к спасению. Но вот только как, Сергей понять не мог. В раздумьях он покинул этот зал, и в тот же миг девушка на стене исчезла. Но Сергей этого уже не увидел...

...В другой комнате, тесной, но высокой – метра, наверное, четыре, – под самым потолком, на каждой стене красовалось по розетке. Больше в помещении не было ничего. Видел Сергей и несколько дверей на потолке, причем формы их поражали разнообразием – треугольные, круглые, даже в форме звезды. Попадалось и много сантехники, причем, натканной по совершенно непонятному принципу. Например, зайдя в очередную комнату – длинную и узкую – Сергей обнаружил десяток унитазов, рядом стоявших вдоль стены. И никаких тебе кабинок или перегородок. Раковина на кафельном пьедестале или унитаз, располагавшиеся посреди комнаты, встречались чуть ли не в каждом втором помещении. Иногда сантехника была смонтирована прямо на потолке или стене, временами боком или кверху ногами.

Один раз Сергей при выходе из неизвестно какой по счету комнаты чуть не напоролся на совооборотня, неторопливо бредущего по коридору. Лицо тетки было не злобным, а сытым и довольным, рот и руки перепачканы кровью. Совооборотень Сергея не заметил, а тот стоял, вжавшись в неглубокую нишу в стене, почти не дыша. Он не знал, что это за тварь, и на что она способна, но близко контактировать с ней у Сергея никакого желания не было.

Больше ни одной живой души в Доме Культуры он не встретил. Везде были разруха и запустение, везде было сыро и грязно, везде преследовал сводивший с ума звук капающей воды. В конце концов Сергей вышел в необычный коридор: отделанный не кафелем, а белым, розовым и кое-где — черным мрамором. В стенах были ниши с бронзовыми скульптурами – рабочими, колхозниками, матросами, спортсменами, солдатами...

Сергею захотелось зажмурить глаза – крепко-крепко – и ощутить на лице ветер из невидимого тоннеля, услышать постукивание колес и хорошо поставленный голос: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Арбатская». Но вместо этого – все та же беско-

нечная каплея. Это не московское метро, не станция «Площадь революции», где у бронзовой пограничной овчарки бесчисленными прикосновениями до блеска отполирован нос. И за дверь в конце коридора вряд ли будет переход на Кольцевую линию... Или на любую другую...

Сергей вдруг понял, что бесчисленные кафельные коридоры Дома Культуры напоминают ему конечные станции метро, те, что были построены недавно. Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны. А что там дальше, куда поезд не идет? Юдину вдруг показалось, что Дом Культуры – это высунувшийся на поверхность гриб, а там внизу – бесконечная грибница пустых коридоров. И там, где кончается привычный мир, начинается ДК. И продолжается за тупиками, конечными остановками, разрушенными дорогами, заваленными подземными ходами...

«Господи, когда же это закончится?» – Сергей уперся лбом в кожаную обивку двери. Та неожиданно открылась. За порогом была темнота. Сергей неуверенно сделал шаг вперед, и тут же зажегся яркий свет. Щурясь, Сергей осмотрелся. Он оказался в просторном актовом зале. Освещала его большая хрустальная люстра. В ее желтоватом рассеянном свете неторопливо, почти торжественно, парили пылинки. Количество рядов было таким огромным, что сцена с трибуной терялась где-то вдальеке. Над ней возвышалась белоснежная статуя Ленина с указывающей прямо на Сергея рукой. В проходе между рядами лежал красный потертый ковер. В боковых стенах зала виднелись ниши, украшенные росписью в советском духе: рабочие, колхозники, счастливое детство, демонстрации трудящихся под красными знаменами... Рисунки были выцветшими и неживыми, словно миражи из какой-то параллельной реальности...

Сергей медленно, слегка прихрамывая, двинулся вперед. На ногах он стоял уже с трудом, поэтому приходилось время от времени останавливаться, опираясь на обитые рваной коричневой кожей кресла. Один раз Сергей чуть не распорол руку торчавшей из сиденья пружиной. Он шел довольно долго, но Владимир Ильич вдальеке оставался таким же маленьким, почти прозрачным. Сергей взглянул на металлическую бляху с номером ряда на ручке кресла, у которого он остановился, и присвистнул:

– Ни фига себе! 215! Стоп... – он задумался. Чисто физически существование такого зала в ДК было невозможно. Здание снаружи выглядело не слишком большим, и просто не могло вместить в себя столь огромное пространство. Но, тем не менее... После исчезнувшего выхода и бесконечных, никуда не ведущих коридоров, он почти утратил способность чему-то удивляться. Да и сил на это практически уже не было. Сергей пошел дальше. У подножья Ильича он оказался часа через полтора. В скульптуре ничего особо примечательного не было – обычный типовой Ленин. Сергей вздохнул и осторожно присел на кресло в первом ряду. И тут он увидел то, чего раньше не замечал. За спиной у Ильича, словно крылья, расходились в разные стороны лестничные марши, ведущие наверх. Но они располагались так хитро, что увидеть их можно было только под определенным углом. Иначе лестницы сливались со стеной. Сергей подошел поближе и посмотрел вверх. Каждая лестница уходила в небольшой люк на потолке. Оттуда пробивался слабый свет.

– Да неужто..., – Сергей слабо улыбнулся. Выглядело это обнадеживающе. Может, там, наверху, был выход. Хотя бы в стеклянную галерею. А оттуда выбраться будет проще – так Сергею, по крайней мере, казалось. Он сделал было шаг к лестнице, как вдруг пол под его ногами вздрогнул. Потом по стене пошла волна, и штукатурка на одном месте резко надулась огромным пузырем. Пузырь задрожал, а затем лопнул, выплюнув чуть ли не под ноги Сергею человека. Это был парень лет двадцати трех, невысокий, светловолосый, крепко сбитый, с носом, похожим на клюв, и подслеповатыми глазами. Довершали образ трехдневная щетина и слишком темные для блондина брови. Одежда молодого человека была разорвана, лицо и тело покрывали синяки и кровоподтеки.

– У тебя не получится! – истошно проорал парень в сторону стены. – Да что ты можешь! Ты же... – он закашлялся, изо рта на пол упали густые, тягучие капли крови.

– Эй, эй, – Сергей бросился к парню. Тот тяжело дышал, стоя на четвереньках. – Ты кто?

– Ты... снаружи... пришел...? – прохрипел парень.

– Да. Я Сергей. Я здесь жену ищу.

– Яна...

– Где она?! – Сергей схватил парня за грудки и одним резким движением поставил на ноги.

– Да не знаю..., – парень сплюнул на пол кровавой слюной. – Мы потерялись. На нас какое-то угробище напало, меня вырубил. Я когда очнулся, Янки не было, а на полу баба мертвая лежит. Красивая, кстати...

– Яна?!

– Да нет, говорю тебе, первый раз видел эту бабу. Рыжая такая... А потом я стал в себя приходиться, оперся о стену. А там дверь, что ли, была потайная. Она открылась, и я сюда у... провалился. Меня, кстати, Макс зовут... Да отпусти ты меня!

– А, да, конечно, – Сергей отпустил Кравцова. Тот вытер окровавленные губы рукавом, и снова закашлялся.

– Слушай, а как ты сюда попал? И откуда жену мою знаешь?

– Мы по Интернету познакомились. У меня свой сайт вот этому гребанному Дому Культуры посвященный...

– Так ты и есть Макс Кравцов? Граф Белое крыло?

– Он самый.

– Блин, я думал, ты псих. Раз в это все... ну, с четвертым измерением... веришь...

– Нормально, многие так думают. Но теперь-то сам видишь... Что делать-то будем?

– А ты разве не знаешь? Ты же спец, вроде, по этим местам.

– Да тут каждый раз все по-другому! Я же говорю – четвертое измерение! А мне еще и не верят...

– Тогда наверх – Сергей показал в сторону лестницы. – Мне кажется, там мы сможем выйти. Ты в город отправишься.

– Пешком, что ли? Сотню километров?

– Да на площади джип стоит! До города доберешься – поднимешь там всех, на уши поставишь... А я Янку искать буду.

– Как-то все просто у тебя, – покачал головой Макс. – Даже если я выберусь, кто меня послушает? Ты думаешь, кто-то поверит, что люди пропадают в четвертом измерении прямо за городом? Бред какой-то. Отправят Кравцова в дурку, и все – пишете письма.

– Да наплети что угодно! – истерично выкрикнул Сергей, машинально замахиваясь на Кравцова рукой. – Скажи, что террористы здесь заложников захватили!

– Хорош, хорош, успокойся, – Макс сделал шаг назад. – Давай поднимемся сперва...

9

...Зал был небольшой, полностью отделанный черным мрамором. Из-за пилонов выбивался красный рассеянный свет. А посреди комнаты, на невысоком подиуме, стоял саркофаг. Ирма сделала несколько неуверенных шагов по направлению к нему. На губах ее играла улыбка – ей действительно радостно было видеть этот мрачный интерьер...

...Она не помнила, сколько времени пролежала, обхватив руками шершавый гипсовый шар с буквой «А». Потом Ирма резко вскочила, схватила металлический прут и стала в исступлении колотить по шарам. На шаре «А» не осталось ни царапинки, а шар «D» раскрошился буквально после пары ударов. Закончив экзекуцию, Ирма швырнула свой прут в люк, через который попала в эту комнату. Спустя секунду раздался гулкий металлический звон и противный смачный хруст. Видимо, треснула плитка на полу египетского коридора. Ирма огляделась по сторонам. Ни окон, ни дверей в комнате с шарами, точнее, уже с одним шаром, не было.

Жене художника не осталось ничего другого, как лезть обратно в люк. Спустившись, Ирма чуть не споткнулась о валявшийся на полу железный прут. Она в сердцах пнула его ногой в грубом армейском ботинке, и пошла к выходу. Неожиданно, откуда-то издалека раздалась тяжелые шаги, и они явно приближались. Фонари в коридоре теперь горели уже не так ярко, некоторые вообще погасли, и поэтому Ирма не сразу разглядела идущую ей навстречу женщину. А когда увидела, то попятилась, пытаясь крикнуть. Но снова, как и много лет назад, только воздух, хрипя, вырывался из ее груди, и лед, острые кристаллики льда по всему телу... Женщина, которую увидела Ирма, была невысокой, крепко сбитой, с мускулистыми руками и ногами, тонкой талией, широкими бедрами и большой, воинственно торчащей грудью. Из одежды на ней был только белый сплошной купальник. В накачанной руке женщина сжимала весло. Статуя ожила...

Лицо Девушки с веслом ничего не выражало, глаза были абсолютно пустыми – без зрачков, без радужки, с шершавыми гипсовыми белками. Один из них наискось пересекала трещина. Но Ирма чувствовала, что девушка ее видит. Между лопаток засвербело. Ирма распахнула куртку – ее черная футболка уже насквозь промокла от пота. Глаза слезились, живая статуя заколыхалась, причудливо преломляясь в пространстве. Из приоткрытого рта Ирмы на пол стекла струйка слюны. Пальцы на руках свело судорогой, сердце заколотилось, словно безумное, в такт ему перед глазами заплясали черные мушки. Такого Ирма не чувствовала уже много лет...

Ей вдруг пришли в голову совершенно неуместные мысли – о том, почему же в советских парках так любили ставить статуи мощных спортивных женщин и мужчин. Пустые и одинаковые, они были похожи на изуродованных бесконечным кровосмешением, выродившихся потомков олимпийских богов и богинь. А что, подходящий объект поклонения для пьяниц и их жен – свиноматок-героинь. Ущербным людям – ущербные боги. И люди деградируют и сгнивают, отдавая гипсовым кумирам на обоссанных пьедесталах остатки своей индивидуальности. И боги хавают эту жертву, поддерживая свое обшарпанное бессмертие. А переваренная индивидуальность, священное дерьмо, становится основами новой извращенной религии, вернее, ее низкопробного суррогата...

...Видимо, распоясавшаяся скульптура жаждала хватануть очередной кусок человеческой души. Ирма вспомнила, что где-то на полу валяется ржавая железяка. Она быстро отыскала ее на ощупь и, словно городошную битую, швырнула в Девушку с веслом. Бросок оказался удачным. Ожившая статуя не успела среагировать и развалилась от удара на множество кусков. Фонари в коридоре почти совсем погасли, но между обломков Девушки с веслом что-то неярко светилось. Ирма подошла поближе и увидела, что среди искореженных кусков гипса лежал небольшой флакон, примерно до половины наполненный сияющей голубоватой жидкостью.

Она, недолго думая, откупорила его. Жидкость тут же испарилась, и струйка синего дымка ударила Ирме между глаз. Она едва удержалась на ногах, флакончик выпал из разжавшихся пальцев, и весь коридор наполнился хрустальным звоном. Эхо множилось, звук разрастался, нарождались целые миры, прозрачные лабиринты звука... У Ирмы закружилась голова, она рухнула на колени, и... Звук в мгновение стих, свет ярко зажегся, и жена художника моментально пришла в себя.

Ирма вдруг с необычайной ясностью осознала, что та частица ее, которую вырвал Андрей много лет назад у подножья Девушки с веслом, находилось в разбившемся флакончике. И теперь это «нечто» снова вернулось к ней. Тут Ирма заметила, что между гипсовых обломков лежит еще кое-что. Это был небольшой пакетик с белым порошком, похожим на все тот же раскрошенный гипс. Ирма подняла его и слегка помяла пальцами, вслушиваясь в тихий, едва различимый хруст. На ее лице заиграла мечтательная улыбка...

...В «египетском» коридоре была еще одна дверь, как раз возле изображения трехглазого человека. «Странно, как я ее не заметила, – подумала Ирма, стоя перед ней. – Стоит ли открывать? Ой, да что мне сделается? Ха, там, наверное, стадо девушек с веслами. Да ну на фиг, не страшно уже не фи́га». Подумав так, она толкнула дверь. Перед ней был длинный коридор, весь отделанный кафелем. Где-то далеко раздавался звук капающей воды. Пахло сыростью. Ирма пожала плечами и вошла в коридор.

– Девушки! – с трудом сдерживая смех, позвала она. – Бабы с веслами! Вы где? Ща всех раздолбаю! – Ирма несильно хлопнула своей железякой по бедру и двинулась вперед, слегка пошатываясь...

...Прут она почти сразу же где-то потеряла, и даже не заметила этого. Когда Ирма вошла в комнату с саркофагом, ее штаны были закатаны до колен, а рукава – до локтей. Ее бледную кожу покрывали цифры – от одного до 317. Черной ручкой Ирма зачем-то отмечала комнаты, в которых она побывала. Все 317 были абсолютно одинаковыми – кафель, и два гипсовых шара. Только вот букв ни на одном не было. Теперь, наконец, хоть что-то новое. И у шагов появился звук – в мрачной комнате, в отличие от бесконечных кафельных коридоров, было эхо. Ирма подошла к саркофагу и наклонилась над ним – посмотреть, лежит ли там кто-нибудь. Страх она не испытывала, но, заглянув, в гробницу, Ирма невольно отпрянула, тихонько вскрикнув. В ящике из черного мрамора, по-детски положив ладони под щеку, мирно спал ее пропавший муж – художник Андрей Баревский. Услышав возглас Ирмы, он приоткрыл глаз и, криво усмехнувшись уголком разбитых губ, сказал:

– Ку-ку.

– Андрей?! – Ирма сделала еще один шаг назад. – Живой? Откуда ты здесь?

– Как *ты* сюда попала? А, впрочем, неважно, – Баревский приподнялся на локте. – Слушай, ты здесь парня не видела? Лет двадцать, невысокий, светленький, щурится еще так... Шнобель у него такой, выдающийся.

Ирма покачала головой.

– Ну и хорошо, – Баревский сел в саркофаге и зябко поежился. – Ему лучше на глаза не попадаться.

– Почему?

– Потому что он за всем этим и стоит. Ты помнишь, как информация про Светлое Будущее распространилась? Ну, в последние годы?

– Сайт был в инете, кажись...

– Так и есть. Мне тоже письмо приходило со ссылкой. Автор – некий Граф Белое Крыло. Его же и сайт. А зовут этого графа на самом деле Максим Кравцов. Он сперва людей сюда заманивает, потом отслеживает, прикидывается таким же заплутавшим. А затем всякую местную мразь на них натравливает.

– Но зачем?

– Не знаю. Но я ему зачем-то нужен. Именно в этом Доме Культуры. Вот он меня и не трогает, водит тут кругами. Словно чувствует, что я до него здесь бывал... Ну, до того, как он тут заправлять всем начал... Но что это за место, я так до сих пор и не понял. Здесь как-то все перемешано – пространство, время... Э-э-э, ты чего это, дорогая? – Баревский не на шутку встревоженным взглядом окинул Ирму, которая едва держалась на ногах. – Милая моя, ты не нанюхалась опять, так чисто случайно?

– Не-е-ет, – Ирма с видимым усилием мотнула головой и оперлась рукой о стену. – Так что там... с этим... с Кравцовым?

– Ты точно в порядке? Ну ладно... Так вот, есть у меня подозрения, что этот Граф Кравцов на самом деле того... не вполне человек.

– В смысле?

– Он тут, по случайке, видать, одного ДК-овского монстра раздражил. Так тот его по стенке буквально размазал. И Максиму ничего – полежал в отключке минут десять, и очухался. Вот девчонка с ним была, ее жалко. Оборотень задрал. Насмерть... Кстати, ты одна пришла?

– Нет, со мной еще парень был. Сергей. Только я не знаю, куда он подевался. Он жену, вроде как, искал.

– Видно, это она и была... Слушай, Ирма, ты можешь меня здесь подождать? Недолго. Тут у меня еще один человек остался. Я схожу за ним, и будем выбирать.

– А ты знаешь, как?

– Конечно, дорогая, – и Баревский улыбнулся, продемонстрировав отсутствие одного из передних зубов...

10

...Сережке снилось, что он стоит на холме над необъятной зеленой долиной. Был солнечный летний день. Где-то вдалеке виднелось дерево – высокое, красивое, раскидистое, с толстым стволом и пышной кроной. Листья почему-то с одной стороны были ярко-синими, а с другой – малиновыми. Встречались в кроне и снежно-белые листочки. Они составляли собой узор, в котором, если приглядеться, можно было прочитать слово «UIDA». Что это значило, Сережка не знал, но ему было хорошо и спокойно. Недолго.

Внезапно стало темнеть, поднялся ветер, и над необычным деревом начали сгущаться фиолетово-черные тучи. Сережка кубарем скатился с холма и, сломя голову, побежал через долину. Он чувствовал: дерево в опасности, и он должен его защитить. Но не успел – прямо из-за туч вылетели гигантские металлические щипцы, вроде тех, которыми дантист удаляет зуб. Они молнией спикировали вниз и вгрызлись в землю недалеко от дерева. Через секунду щипцы вынырнули обратно, держа в зубастой пасти один из корней дерева.

Сережка истошно закричал, но было поздно: челюсти клацнули, отхватив корень почти целиком, и из короткого уродливого обрубка брызнула настоящая, человеческая кровь. Несколько капель попали Сережке на лицо, обжигая, словно кипяток. А щипцы тем временем принялись за другой корень. Они вырвали его из земли и скрутили в какой-то немыслимый узел. Закончив свое черное дело, щипцы пропахали на прощание землю под деревом, и улетели. Сережка упал на колени, корчась от боли, которая словно передалась ему от обрубленного корня.

А с израненного дерева начала опадать листва. Первыми облетели белые листья, причем упали так, что буквы «U» и «I» остались одной стороны от рытвины, оставленной щипцами, а «A» и «D» – с другой. Налетевшим порывам ветра первые две буквы унесло в неизвестном направлении. Дерево же буквально на глазах высохло, согнулось, стало тонким и кривым, кора на верхушке собралась в какую-то уродливую шкуру и словно засосала в себя все ветки, накрыв их мерзко подрагивающей на ветру кожистой складкой. И тут в руках у Сережки оказался карандаш – большой, размером почти с него самого.

Юдин начал рисовать – прямо на воздухе. Вокруг изуродованного дерева он выстроил нагромождение металлических конструкций, с шарнирами, проводами, какими-то странными механизмами. Вскоре перед ним стояло нечто, похожее на готовую к старту ракету. Затем Сережка нарисовал металлические латы и себе, а под конец одел в защитный панцирь буквы «AD». Вот только «I» и «U» остались его карандашу неподвластны. И Сережку это пугало, но он загнал свой страх так далеко, что почти о нем и не вспоминал. Ну, разве что на секунду, когда просыпался в холодном поту после очередного кошмара про щипцы и дерево... И даже не думал о том, какие сны видит в это время его жена...

...Яна проснулась от острой, пульсирующей боли в руке. Она посмотрела и ахнула – ее запястье раздулось, браслет часов практически утонул в складке, кисть посинела, пальцы стали похожи на сосиски. Багровая царапина, тянущаяся от локтя к ладони, стала совсем черной и обросла синюшной паутинкой лопнувших капилляров. Девушка с большим трудом расстегнула часы, и боль слегка поутихла. Однако пальцев своих она не чувствовала. Яна закатала рукав повыше, глядя на загноившийся шрам – след от недавней встречи с совоборотнем.

Девушка взяла початую бутылку водки, оставленную Андреем, смочила платок и, морщась от боли, протерла рану. Потом взяла свои часы, валявшиеся на полу. Яна проспала почти пять часов, но Андрей до сих пор не вернулся. Куда и зачем он ушел, художник так и не сказал. То, что произошло после встречи с совоборотнем, Яна помнила смутно, обрывками. Вроде бы, она и ее спаситель скачками неслись по кафельным коридорам, и Андрей на ходу, задыхаясь от быстрого бега, рассказывал девушке про Дом культуры.

– Тот город... что здесь раньше был... ну, он как бы научный, закрытый... Есть сведения... отрывочные... все ведь засекречено было... Что здесь проводились... эксперименты... с четвертым измерением... и повышением работоспособности... трудящихся... Выводили новую породу... советского человека... Я раскопал... что, по той же... технологии... что и этот ДК... некоторые помещения... египетских пирамид... построены... Они тоже... вроде как... четырехмерные... Что здесь... в данный момент... происходит... трудно сказать... Яна?!

– Рука! – Яна остановилась, схватившись за плечо.

– Дай взгляну, – Андрей закатал изодранный рукав Яниной рубашки. – О, черт. Яд начал действовать.

– Яд?

– Не бойся, у совоборотня яд несильный. Меня вот сколько раз цапали, твари, а я, как видишь, вполне живой. Первый раз тяжело переносится, но зато потом хоть бы что. Иммунитет. Не бойся, у тебя организм молодой, все быстро пройдет. Э, тихо, тихо!

– Голова кружится..., – одними губами прошептала Яна, ноги ее подкосились, изо рта пошла пена нежно-розового цвета. Андрей подхватил Яну на руки, пинком открыл дверь ближайшей комнатухи и занес туда девушку. В комнатке горой лежали разноцветные тряпки, деревянные каркасы, с которых свисали алые лохмотья, оставшиеся от лозунгов. В углу валялся желтый фанерный куб, разрисованный аляповатыми цветочками. А у стен штабелями стояли портреты членов политбюро неизвестно какого периода. У художника, их нарисовавшего, явно были проблемы с анатомией. У одного из партийных работников глаза заметно косили, у другого нос откровенно был свернут набок, у третьего – перекошено вообще все лицо.

Положив Яну на кучу тряпок, валявшихся на полу, Андрей огляделся и отодвинул портреты. На одной из стен он обнаружил фреску в египетском стиле. Она состояла из трех частей. На первой стройным рядком, словно эволюционирующие питекантропы и неандертальцы, стояли обычная женщина, тощая взъерошенная девчонка с вампирскими клыками, девушка с веслом и совоборотень. На второй части картины бог Анубис насиловал стоящую на четвереньках женщину, а на третьей – благословлял коленопреклоненную тетку-совоборотня.

– Черт, – Андрей вернул портреты на место, закрыв похабное изображение. Яна тихо застонала, ресницы ее чуть дрогнули.

– Тихо, тихо, девочка моя, – Андрей осторожно вытер рукавом пену с губ девушки, обнял Яну за плечи и помог ей устроиться поудобнее. Потом покопался в тряпье, и достал оттуда початую бутылку водки. – Ну и ну. Черпак кто-то заныкал, – Баревский скептически посмотрел на этикетку. «Культурная» – значилось там. На рисунке было изображено красивое белоснежное здание с надписью «Дом культуры», а над ним – красное знамя. На знамени красовались три профиля, но только не Маркс, Энгельс и Ленин, а бог Анубис и два космонавта, причем оба явно были Юриями Гагариными. Один из них улыбался, а второй хмурым взглядом сверлил невидимую даль. Баревский откупорил крышку, слегка поморщившись, понюхал содержимое, а затем сделал щедрый глоток. – Тьфу, водка как водка, – он занюхал рукавом, – Сейчас, сейчас, Яночка, – Андрей плеснул водки на ладони и аккуратно, даже нежно, провел по оцарапанной Яниной руке.

– Ой, больно!...

– Тихо, сейчас будет лучше.

– Да... правда легче.

– Не бойся, быстро пройдет. Если распухнет, спиртом..., – Андрей наклонился к Яне, и прошептал, почти касаясь губами ее уха. – Протирай...

– Конечно..., – выдохнула Яна.

– Послушай, можно нескромный вопрос?

– Валяй, – голос Яны звучал так, словно от простого протирания раны водкой она уже порядком захмелела. Будто спирт, проникнув в поры кожи, вступил в какую-то странную реакцию с ядом совооборотня...

– Почему ты хотела от мужа уйти? – помолчав, спросил Андрей.

– А ты откуда знаешь? А, пофиг... Новая любовь... Я передо-у-у-умала-а-а! Оказалось – не любовь! – девушка развела руками и звучно фыркнула. – Хочешь жуткую вещь? – Яна криво усмехнулась. – Знаешь в кого я типа влюбилась?

– Ну?

– В девушку! Прикол, да?

– Ну и что? Всяко бывает. А что, к мужикам совсем интереса больше нет?

– Да есть! Это я недавно поняла, уже вот здессс... – Яна еле ворочала языком.

– Молодой, твою мать! – с досадой выкрикнул Баревский.

– Чего?

– Да ничего, ничего, солнышко. Так что же тебя сподвигло-то на розовые подвиги?

– Да Серега говорил, что это я типа так себя искала... Ну-у-у, может быть... У него эти... Доктор, у меня эттта..., – Яна снова глупо ухмыльнулась. – Как их там? А, комплексы! Да, у него там... Там, в детстве ветра были-и-и-и... у-у-у... ураганные. Морозы там типа всякие... особо сибирские... злобсссс... ствующие... Тяжелое детство, примерзшие к полу деревянные игрушки...

– Э-э-э, девочка, ты уже гонишь, – с этими словами Баревский притянул Яну к себе. В следующую секунду они уже целовались. Еще через несколько секунд Андрей резким движением развернул девушку спиной к себе. Поэтому она не увидела одной любопытной детали. На лобке у Андрея была татуировка – волчья голова. Сделана она была так, что член торчал прямо из оскаленной звериной пасти...

11

... В одном конце высокой, в два этажа, остекленной галереи, открылась маленькая, едва заметная дверь. Из нее, засунув руки в карманы, чуть прихрамывая, вышел Макс Кравцов. Губа у него была разбита, одежда изорвана, сам он весь был покрыт начавшей подсыхать коркой из крови и какой-то розовой слизи. Навстречу ему из такой же двери в другом конце галереи появился, на ходу застегивая ширинку, и, едва заметно посмеиваясь, Андрей Баревский. Дойдя до середины, оба остановились и принялись сверлить друг друга взглядами.

– Ну? – после продолжительного молчания спросил Макс.

– Мне вот всегда было интересно, – задумчиво произнес Баревский, – Как там внутри стены, когда она тебя заглатывает? Ни разу не доводилось испытывать.

– Ну и какой же ты герой после этого, – криво усмехнулся Макс. – Меня невежей называл, а сам-то не знаешь ни хрена! Хе!

– Молодым везде у нас дорога, – пожал плечами Андрей. – Да я и не успеваю за всеми современными выкрутасами уследить. Стена ведь у нас, если я не ошибаюсь, что-то новое?

– Да, из недавнего. Не знаю, кто придумал. Может Королев. Его стиль, гаденыш!

– Неужели не ты? А что так? Фантазии не хватило?

– Не ехидничай. У меня фантазия не такая извращенная, как у Петьки. Ты спроси у этого любимчика Полковника, что он курит на досуге. Это надо же было такое выдумать! Бр-р-р! Там внутри... как бы трубы длинные... механизм, но он живой... из живой материи, вроде как. Все мягкое... мокрое... теплое и склизкое. И движется, пульсирует... словно переваривает тебя, а потом выплевывает...

– Интересная концепция... Слушай, а на фиг ты с совооборотнем полез драться? Успели бы сбежать...

– Так Яна же не знала, кто я на самом деле. И что совооборотень меня убить не может. Вот, и погеройствовал. Покрасовался. Правда, эта тварь все же меня потрепала чуток, – Макс зачесал пятерней покрытые слизью волосы назад.

– Ах ты бедненький! Скажи, Максимка...

– Не называй меня так! – Макс съежился, словно от удара и сжал кулаки.

– Что, очередное ИД-обострение? Ладно, Граф Белое Крыло – пойдет? Почему, кстати, ник такой?

– А что, красное, надо было? Тебе-то какое дело? – Макс сделал шаг навстречу Баревскому и сжал кулаки. – Вы, Андрей Александрович, борзеее прямо на глазах. Нервишки-то уже не те, поди?

– Рано еще меня в утиль списывать, – Баревский засучил рукава. – С ИД-ом своим управляться научись сперва. Тебе память освежить? Насколько мне помнится, если бы не я, от тебя бы даже косточек в свое время не осталось. Никакого уважения! А ведь как был глистой слепешарой, так и...

– Да иди ты! – с этими словами Макс с места в карьер кинулся на Андрея. Тот ловко поставил своему противнику подножку, потом схватил обеими руками за ворот рубашки и, хорошенько размахнувшись, ударил о стену. Та мягко всосала в себя Макса, как и в прошлый раз, пошла кругами и застыла.

– Актный зал, кажись. Два часа назад, – Баревский вытер пот со лба, потом брезгливо отряхнул с рук кровь Макса и ошметки слизи. – Ну, полетай, тебе полезно. Как же с тобой все-таки трудно, парень. Что-то я упустил в твоём воспитании...

... – Ты точно с дороги не сбился? – Максимка, продираясь через густые заросли, едва успевал за Павлом. Ветки больно царапали по лицу, но мальчик не обращал на это внимания. Максимка не хотел показаться слабым...

– Скажешь тоже! – вожатый снисходительно улыбнулся, оглянувшись на своего 12-летнего попутчика. – По компасу же идем! Лагерь Синих – строго на севере. Еще полчаса, и там будем.

Максим ничего не ответил, лишь кивнул и, сосредоточенно сопя, продолжил свой путь сквозь кусты. Он старался не потерять Паику из виду, что было нелегко. Максимка плохо видел без очков, но не надевать же на нос эту отвратную, перемотанную изолентой конструкцию с толстыми стеклами. Точнее, с одним стеклом. Кто-то из одноклассников шваркнул Максимкины очки о стенку, и разбил их. Но мальчик был этому даже немного рад – он ненавидел свои «стекла», и свою зависимость от них. Словно дужки очков за ушами пускали невидимые щупальца в самое его «я», превращая Максимкину сущность в аморфную безвольную соплю... Нет, уж лучше быть слепошарым, чем вот так... Незамеченная ветка хлестнула по лбу, оставляя красные полосы.

Максимка сжал зубы и, чтобы отвлечься от временных неудобств в пути, стал представлять приятные картины будущего триумфа. Вот они с Пашкой с тыла добиваются до лагеря «Гагаринец», вот проникают туда через никому не известную щель в заборе, вот прокрадываются в штаб... А там уже – дело техники. Так Пашка сказал. Якобы поспорил он с «синими» – друзьями-соперниками по «Зарнице», что сможет незаметно какую-то ерунду вину из их штаба выкрасть. Только «Зарница» -то тут и не при чем. Пару дней назад к Павлу приехал какой-то мужик. Максимка случайно подслушал их разговор. Гостя, правда, не разглядел – тот стоял спиной, да и темно было. Мужик обещал Павлу заплатить то ли за кубок, то ли за вымпел «синих». Зачем ему это понадобилось, Максимка так и не понял. Иностранцу, что ли, толкнуть – в качестве советского сувенира? И вот что странно – в конце разговора незнакомец сказал – очень резко: «Ты один не ходи туда, понял? Приятеля своего возьми, малолетку этого очкастого. Без него пойдешь – пеняй на себя».

– Да на фига? – Павел скривился. Мужик сжал его плечо и прошипел:

– Поговори мне тут! Хочешь, чтобы все узнали о том, как наши образцовый комсомолец развлекается на досуге?

Павел побледнел, потом покраснел, плюнул и с отвращением вырвал свою руку из пальцев незнакомца. Максимка замер, затаив дыхание. Этот мужик знал – и про него, и про те гадости, которые любит делать Павел. Мальчику стало страшно – на миг ему показалось, что странный гость хочет и с ним сотворить что-то плохое...

– Тихо! – Максимкины мысли были прерваны громким шепотом Пашки. – Пришли, кажись.

Пашка отодвинул рукой кусты, и прямо перед носом лазутчиков вырос синий, давно не крашенный, деревянный забор. Пашка провел ладонью по обшарпанным доскам, на секунду задержал кончики пальцев на одной из них, а потом отодвинул ее в сторону. Доска предательски скрипнула. Мальчики замерли. Пашка подождал чуть, а потом осторожно заглянул в щель в заборе и осмотрелся.

– Не заметили, кажись, – он пролез в дырку и махнул оттуда своему спутнику, – Давай, пулей!

Максим тут же юркнул в щель вслед за другом. Теперь они оба оказались на вражеской территории. Кругом было безлюдно и как-то странно тихо.

– Сонный час у них, наверное, – со знанием дела сказал Пашка и уверенно зашагал в сторону одного из корпусов. – Не отставай, штаб вон там.

Максимка послушно затрусил вслед за другом. Через пару минут они уперлись в необычные ворота. Металлическая калитка, затянутая дырявой рабицей, располагалась между двумя высокими валунами, разукрашенными под жирафа. Над одним из валунов вставало каменное солнце, когда-то лимонно-желтое, а теперь грязно-рыжее, с сероватым отливом. Толстые, мясистые лучи гнулись в разные стороны, словно лепестки ромашки. Между ними

застряла поваленная ветром тощенькая березка. Под солнцем к валуну—жираффу была привалена каменная же раскрытая книга. Когда-то давно на ее покрытых известью страницах были, видно, какие-то надписи и рисунки. Но теперь же остались только облезлые тени неопределенного цвета. Венчала странную конструкцию белая каменная штукovina, похожая то ли на позвоночник без ребер, то ли на гигантский шашлык.

– Это еще что за фигня? – Пашка затормозил так резко, что Максимка уткнулся носом ему в спину. – Вроде верно шли. Не должны были заблудиться...

– А что такое? – Максимка почесал ушибленный нос

– Да не было этих ворот в прошлом году..., – Пашка наморщил лоб. – Недавно, что ли построили?

– Да они же вон какие облупленные! Им лет двадцать наверное!... Или даже больше...

– А, ладно! – Пашка махнул рукой и толкнул одну из створок. Та с негромким скрипом отворилась. Лазутчики продолжили свой путь к корпусам, видневшимся неподалеку. Через пару минут они подошли к кирпичному двухэтажному зданию бежевого цвета и остановились в тени небольшой скульптурки. Она изображала упитанную морскую звезду в зарослях металлической морской капусты.

– А мы точно туда пришли? – жалобно спросил Максимка, глядя на своего спутника, находящегося в глубокой задумчивости.

– Да туда, туда. Корпуса-то те же, я помню. Вот насчет звезды этой... Вроде, ее тоже не было... Хорошо, давай-ка с той стороны обойдем, и сразу лесенка будет, прямо на второй этаж. Там у них штаб. Быстрей, быстрей, а то тихий час кончится скоро, – и лазутчики пошли в обход.

Лесенка действительно была на месте, и вела в открытую дверь. Пашка уже собрался подняться по ней, но Максим дернул его за рукав:

– Па-а-аш... А Паш...

– Ну чего тебе?! Достал своим нытьем!

– Это же космический лагерь, ну, в честь Гагарина...

– И что?

– А при чем тут рыба?

– Какая еще на фиг рыба?

Максимка ничего не ответил, лишь показал пальцем на стену. Почти весь фасад дома занимала огромная облезлая гипсовая камбала голубого цвета. Тело ее покрывали мерзкие розоватые пупырышки размером с кулак. Ярко-синие глаза рыбины – один побольше, другой поменьше – были навывкате и заметно косили.

– Не знаю я, при чем тут рыба эта! – с этими словами Пашка легко взбежал на самый верх лестницы. Его спутник тоже взялся было за узкие металлические перила и поставил ногу на ступеньку, как вдруг за спинами лазутчиков раздался шорох... Максимка оглянулся первым. И тут он увидел двух девчонок, вылезших из кустов. Они были низкорослыми и невероятно тощими, ручки и ножки их напоминали прутики. Мордашки у девчонок были на редкость противными: маленькие косящие глазки, заостренные вздернутые носы-пяточки, уродливые веснушки, торчащие кривые желтые зубы, взъерошенные волосы неопределенного цвета. Одеты пигалицы были в коротенькие синие юбки, мешковатые, явно не по размеру, белые рубашки, белые же гольфы с дурацкими помпонами и красные босоножки. На тонюсеньких шейках девчонок болтались пионерские галстуки. Было видно, что юные создания не отличаются аккуратностью. Гольфы были спущены и заляпаны грязью, ноги исцарапаны и расцвечены синяками, разбитые коленки щедро политы зеленкой, юбки измяты, рубашки покрыты пятнами всех цветов и размеров, галстуки с обгрызенными кончиками повязаны криво и неаккуратно. В растрепанных волосах девчонок болтались ленточки, некогда, видимо, бывшие бантиками.

– Вот черт! – Пашка в сердцах стукнул кулаком по перилам. Плохо закрепленная деревяшка завибрировала, стуча по железному каркасу, и все вокруг огласилось не лишенным мелодичности гулом. – Только вас тут не хватало! А ну брысь отсюда, пока не получили!

Девчонки никак на Пашкины угрозы не отреагировали, несмотря на то, что он, если бы захотел, запросто мог бы переломать их спичечные ручки-ножки-шейки. Одна из страшилок лишь хищно улыбнулась, вывалив наружу комплект кривых и гнилых, но явно очень острых зубов. Из-за них высунулся маленький, пронзительно-розовый язычок и, таща за собой блестящие ниточки слюны, облизал растрескавшиеся губы. Девчонка провела рукой по своему животу, а потом вдруг сделала нечто совсем неожиданное. Почти не отталкиваясь, она подпрыгнула метра на три, пролетев прямо над Максимкиной головой. Тот успел разглядеть ее белые трусики в разноцветный горошек, ткань, забившуюся в щелочку между чуть выпирающих бугорков, и застарелое желтое пятно... Несколько секунд Максимка стоял в полном оцепенении. К реальности его вернул истошный вопль за спиной, а затем – хруст и чавканье. Максимка медленно оглянулся. Первое, что бросилось ему в глаза – это рыба на стене. Слева от нее появилась новая деталь – то ли водоросль, то ли медуза красного цвета. Максим посмотрел ниже...

...От Пашки осталась ровно половина. Над окровавленным телом на корточках сидела девчонка и, чавкая и урча от удовольствия, жевала, набив под завязку рот. С ее губ на бетонное крыльцо стекала перемешанная с кровью слюна. Проглотив, она отхватила очередной кусок, вместе с одеждой, и снова заработала челюстями. Живот девчонки округлялся на глазах. Закончив свою трапезу, маленькое чудовище погладило набитое пузо, блаженно закатило пороссячью глазки и, от души рыгнув, вразвалочку поковыляло прочь, не обращая на остолбеневшего Максима никакого внимания. Тот некоторое время тупо пялился на красную лужицу и несколько тряпок – все, что осталось от Пашки. К реальности Максимку вернул громкий хрип. Вторая девчонка шумно, со свистом дышала, не сводя с мальчика голодных глаз и пуская слюни. А потом и она прыгнула. Максимка закричал, закрывая голову руками. Он уже готов был ощутить на своей шее острые зубки девчонки, но ничего не произошло. Лишь раздался негромкий хлопок, короткий визг, что-то шмякнулось на землю, а потом все стихло. Максимка некоторое время стоял, боясь пошевелиться. Потом он медленно опустил руки и оглянулся. Голодная девчонка, оскалив пасть, лежала на земле. Из уголка ее рта стекала желтоватая слюна, глаза выкатились и налились кровью. Тонюсенькие ручки и ножки торчали в разные стороны, неестественно вывернутые. Между глаз девчонки зияло маленькое аккуратное черное отверстие. Она была мертва. Максимка поднял глаза. В кустах стоял невысокий рыжеволосый парень лет двадцати, одетый в камуфляж. В руке он держал пистолет с глушителем на длинном стволе.

– Ну что, живой? – незнакомец, подслеповато щурясь, оглядел Максимку с ног до головы.

– А-а-а..., – только и прохныкал Максимка едва слышно.

– Спускайся, – спокойным, твердым голосом сказал незнакомец. – Большие тебе здесь делать нечего.

Максимка кивнул, и на негнущихся ногах, всей своей тяжестью навалившись на перила, преодолел три ступеньки, что отделяли его от земли. Мальчик сделал шаг навстречу незнакомцу, а потом колени его подкосились, и он упал. Парень тотчас же бросился к Максимке, наступив по пути на трупик девчонки. Под его тяжелым армейским ботинком голова страшилки треснула, словно арбуз. Максимку стошнило. Незнакомец терпеливо ждал, пытаясь по-ковбойски крутить пистолет на пальце. Получалось у него плохо – оружие явно было для этого тяжеловато... Из рта мальчика потекла вода вперемешку с желчью, потом он закашлялся и сел, поджав колени. Парень, заткнув пистолет за ремень, легко подхватил Максимку на руки и понес прочь. Когда они зашли за кусты, в ноздри мальчику ударил отвратительный запах. Он шел от какой-то зеленовато-бурой вонючей лужи. Рядом на траве, закатив глаза,

валялась девочка-людоедка, с уже опавшим животом. Она спала, негромко похрапывая. Максимкин спаситель поднял свое оружие и опять, одним точным выстрелом, прикончил страшилку. Мальчик, безвольно повисший на его плече, закашлялся и потерял сознание...

12

...Яне с каждой минутой становилось все хуже. Опухоль не спадала, да и вторая рука тоже начала отекать. То же произошло и с ногами. Яна скинула кроссовки, и с трудом вытянула ноги. Ступни ее тотчас же раздулись, словно воздушные шарик, розовые ногти утонули в складках кожи. Чтобы как-то отвлечься от неприятных ощущений, Яна стала изучать тряпки, на которых лежала. Оказалось, что это костюм – юбка и пиджак – но каких-то невообразимых слоновьих размеров. Совоборотню бы подошли... Жирному, пыхтящему совоборотню...

...Яна почувствовала, что ей тяжело дышится – как после плотного обеда. Девушка растегнула джинсы. Тут же на свободу вывалилась солидная жировая складка молочно-розового цвета, с мраморными прожилками сосудов. Яна опешила. Особой полнотой она никогда не отличалась, а после полуголодных дней, проведенных в ДК, совсем отошала. Яна мотнула головой, чтобы прогнать наваждение, и тут же что-то смачно и тяжело шлепнуло ее по ключицам, а потом медленно поползло вниз, на грудь. Девушка с трудом наклонила голову и увидела, что это «что-то» ее собственный второй, нет, уже третий подбородок.

А глаза партийных лидеров на портретах, до этого ничего не выражавшие, вдруг стали осмысленными. И смотрели они на Яну со злобной насмешкой. У девушки потемнело в глазах. Ей привиделось, что она стоит в огромном мрачном зале с высокими стрельчатыми окнами. Перед Яной уходил в черноту потолка колоссальных размеров иконостас. Но вместо ликов святых на девушку глядели все те же партийные работники. У всех у них были нереально тонкие, словно ниточки, шеи и огромные животы. И глаза – такие безбрежно голодные, словно тысячу лет крошки во рту не было... Перед иконостасом, на каменном полу, возвышалась гора самой разнообразной еды. Судя по запаху, продукты давно протухли, над ними кружились мухи. Яна почувствовала первый, пока совсем слабый, приступ тошноты и очнулась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.